

18+

Ян Кириллов

ВОИН СВЕТА ИЗ СТАРОГО ОСКОЛА

Ян Кириллов

Воин Света из Старого Оскола

«Издательские решения»

Кириллов Я.

Воин Света из Старого Оскола / Я. Кириллов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517267-9

Какова связь между «красным маем», трагедией на подлодке «Курск» и числом тринадцать? Шестилетняя Света теряет отца. Она, как и все, считает его погибшим, но проходит несколько лет и об Александре никто не помнит. Вот только Света не верит никому. Осень 2006. Благодаря письму от подруги Света понимает — отец жив. Девочка пытается найти отца, но всё не так просто. Ниточка интуиции, воспоминаний и подозрений выводит её на тайную организацию, имеющую влияние на судьбы людей по всему миру.

ISBN 978-5-00-517267-9

© Кириллов Я.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	47
Глава 6	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Воин Света из Старого Оскола

Ян Кириллов

© Ян Кириллов, 2024

ISBN 978-5-0051-7267-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Глава 1

Люди в наши дни не пишут друг другу писем. Традиция исчезла с появлением Интернета, и теперь сообщения рассекают пространство со скоростью света. Две тысячи шестой год не был древностью, и всё же тогда не было Скайпа, Вотсапа и социальных сетей. Зато была «аська». Света Калинина – школьница двенадцати лет – активно пользовалась этим приложением, однако особую радость ей доставляла переписка на бумаге. Не одна Света была такая странная. Той же любовью к бумаге отличалась Георгина – лучшая подруга из Новосибирска.

Ранним утром, пятого сентября, Света читала письмо от Георгины. Содержание было настолько волнующим, что Света не успела сесть на диван. Так и замерла посреди комнаты.

Будто знаком судьбы, зазвонил мобильный телефон, и раздалась давно знакомая мелодия – Ten O’Clock Postman. Конечно, это было только совпадение. Но кто его знает?

Дыхание Светы участилось. Буквы на тетрадном листе не вещали ничего особенного – Георгина рассказывала про день города, про то, как ей подарили котёнка и другие приятные мелочи жизни... но!

У Светы и Георгины был тайный шифр. Девочкам не хотелось, чтобы взрослые вторгались в их маленький мирок, наполненный тайнами. Они изобрели шифр, и не просто шифр, а такой, какой можно было бы оставить только в «живом» письме. На некоторые буквы принято было давить, оставляя мелкие точки, едва заметные при беглом чтении. Стоило обращать внимание только на эти точки. Сначала использовали только этот шифр, но потом подумали, что его будет недостаточно и придумали второй. Буквы, на которые давили, назывались «твёрдыми». Не каждая «твёрдая» буква имела значение. Теперь следовало отсчитывать определённое число, а именно – цифра из числа Пи. Сначала выписываем «твёрдые» буквы, читаем первую, пропускаем три, читаем вторую. Затем пропускаем одну, четыре и так далее. Цифры числа Пи после седьмой девочки не помнили, и не хотели запоминать, поэтому после двойки снова шла первая цифра – тройка, и далее по кругу.

Света научилась отбрасывать ненужные буквы как мусор. Она смотрела на обычное письмо от подруги и видела в нём тайное послание, способное перевернуть её жизнь.

«Так, спокойно. Может, показалось?»

Она прошла за стол, отодвинула учебники, положила письмо под лампу. Света привыкла всё делать аккуратно тщательно, и даже чёлку ровняла по линейке. Так же аккуратно она расчертила строки на альбомном листе и выписала «твёрдые» буквы. Считая про себя каждую букву, она отметила зелёным маркером те, что имели значение.

«Не показалось».

Письма стали частью Светиной жизни благодаря маме. Валентина – мама – зарабатывала тем, что переводила знакомым и подругам корреспонденцию с английского на русский и обратно. В узких кругах интеллигенции Старого Оскола, в которую входили такие как Валентина – учительницы, переводчицы, писательницы и прочие женщины, богатые нематериально, – после падения «железного занавеса» вошла в моду переписка с иностранцами. Валентине доверяли самое святое – тайны личной жизни. Письма Валентина считала искусством, и привила дочери любовь к этому искусству с малых лет, с тех пор как Света научилась писать. На почту Валентина ходила, будто в храм. Письма наполняли её сердце радостью и помогали смириться с утратой.

Шесть лет назад, двенадцатого августа двухтысячного мутные воды Баренцева моря унесли жизни ста восемнадцати моряков. Разделили жизни ста восемнадцати семей на «до»

и «после». Среди погибших, как верилось тогда, был мичман Александр Георгиевич Калинин – муж Валентины и Светин папа. Семье должны были выплатить компенсацию, но судьба подкинула и вторую беду, в довесок первой. Ни в каких списках никогда не значился Александр Калинин. Его не было ни в экипаже «Курска», ни в составе моряков Северного флота, ни даже в родном паспортном столе. Как будто не было такого человека. Три года обивания порогов инстанций не принесли Валентине ничего, кроме головной боли.

Единственной памятью об Александре осталась мемориальная табличка на школе, где он учился. В эту же школу поступила, на следующий год, его дочь. Первый раз в первый класс она шла мимо таблички, с которой на неё смотрел отец – мужественный красивый блондин в тельняшке и бескозырке, со впалыми щеками, острым подбородком и бесконечно добрым взглядом голубых глаз.

Буква за буквой, строка за строкой. Без того бледная Светина кожа стала ещё бледнее. На отдельный листок, содержащий теперь самую суть, было трудно глядеть. Всё равно что глядеть на солнце. Девочка побежала в ванную, чтобы умыться лицом, немного отдышаться. Только после этого, она вернулась и спокойно дочитала роковые несколько предложений.

«Твой папа жив. Знакомая моей знакомой видела его в Новосибире. Я его нашла и говорила с ним! Но твой папа сказал, чтобы ты не искала его. И никто не должен о нём знать! Иначе, всем будет плохо. А ещё он сказал, что любит тебя! Но ты его не ищи, поняла?»

Как ещё могла Света воспринять такое послание? Будь она бунтаркой, она в тот же день собрала бы вещи, украдала бы деньги у матери и полетела в Новосибирск. Или поехала поездом, или добралась на попутках. Так или иначе, она вцепилась бы в этот шанс.

Однако Света была слишком правильной, слишком нежной и послушной. Ей подходила роль жертвы, потерявшей отца, белой и пушистой отличницы, которая перед школой по утрам уютит юбку, пользуется корректором и не даёт списывать хулиганам на контрольных.

Она вернулась в ванную, на этот раз, держа в руке все три листа бумаги и спички. Лучше всего делать это в ванной, где легко затушить.

Стоп! А если мама учует запах гари? Света подумала, не соврать ли ей, что она курит? Лучше этого не делать. Тогда она решила сделать всё во дворе, поздно вечером. Но как оправдать уход из дома на ночь глядя?

«Подождать, пока мама уснёт».

Почему она решила это сделать? Потому что никто не должен этого знать. Папа чётко дал понять – «будет плохо». Значит, он в опасности. В опасности?! Но тогда нужно спасать его!

Двенадцать лет – не тот возраст, когда можно принимать самостоятельные взрослые решения. Только в мультиках дети лет двенадцати, а то и младше, спасают мир. В реальности они даже поехать никуда не могут сами – нет паспорта. И всё же...

Мама ложилась спать очень поздно. До часу ночи или до двух она переводила документы. Мода на переписку прошла в начале двухтысячных, зато теперь, когда Валентина хорошо набила руку и обзавелась кучей знакомых, появились и связи. Теперь она переводила договоры. Перевод целого договора – это часы и часы просиживания за кипами юридических и технических справочников, постоянные проверки, исправления, подбор нужного термина, который точно соответствует требованиям заказчика. Уже через пару часов голова начинает пухнуть от вечно повторяющихся терминов, таких как «исполнитель», «заказчик», «договор», «услуга», «стороны» и так далее. Валентина скрупулёзно выписывала каждый термин, чтобы, не дай Бог, не перевести его в одном месте так, а в другом – эдак. За работой, она не замечала, как летит время, а тиканье часов в её кабинете заглушало собственные мысли. Был уже час ночи, хорошие девочки давно спят, и Свету клонило в сон, а мама всё не ложилась! Рифлёное стекло на двери её кабинета всё не гасло, продолжало гореть жёлтым светом от настольной лампы.

Кофе Света пила, и с удовольствием, вот только оно не помогало. Лишь хотелось в туалет. А вот бутерброд с колбасой отогнал дрему ненадолго. Наконец, мама вышла из кабинета. Дочь успела вернуться к себе в комнату и накрыться одеялом с головой. Валентина заглянула к дочери в комнату и пошла спать. Вот оно и свершилось! Путь открыт.

Озаряемый луной, двор выглядел чужим. Света пошарила в карманах, не забыла ли спички. Те лежали на месте. Какое облегчение! Сделав небольшое углубление в песочнице, Света скомкала письмо и подожгла. Принялось хорошо – ночь выдалась сухой и ветреной. За письмом в огонь упал конверт. За конвертом – листок с «твёрдыми» буквами. Оставалось чистое послание. Света прижала его к груди. Не хотелось предавать огню и его – последнее, что связывало с папой. Тогда Света зажгла ещё одну спичку и прочитала снова. Каждое слово отпечаталось намертво в её голове. Особенно предпоследнее: «А ещё он сказал, что любит тебя!». Это было самое главное.

За завтраком, с лёгкой душой и бодрыми мыслями, Света пожелала маме доброго утра. Послание хранилось теперь в самом надёжном «сейфе» – в её голове. Что с ним делать, отличница не думала – пусть пока лежит. Папа сказал не искать, значит не искать. Главное, что он жив! Но стоит ли сказать маме? Если да, зачем нужна была ночная вылазка? Если нет...

– Чего кашу не кушаешь? Не проснулась, соня? – отвлекла мама. – Опять в «аське» сидела до ночи? Эта ваша «аська»!

– Да нет, мам, просто не хочется. Я так, кофе с бутербродиком.

– Никаких «кофе с бутербродиком»! Принимайся за кашу и разговор окончен. И посуду потом не забудь помыть. Морской закон – кто последний, тот и моет.

– Морской закон – посуду за борт, – дочка сама не заметила, как вспомнила любимое папино выражение.

Валентина замерла на секунду, глядя в окно. Потом пришла в себя, помотала головой. Достала пачку сигарет.

– Мама! Ты опять?

– Я форточку открою.

– Мы же договорились!

– Ну, дочь, ну, что такого? У мамы стрессовая работа. Я должна как-то... компенсировать.

Света понимала, что дело вовсе не в работе.

– Тебе что психолог говорила? Не при дочери и вообще бросать. А книжку, которую я тебе подарила, ты открывала вообще?

– Открывала, читала. Только не просто это всё, – Валентина вздохнула.

Вроде бы, ничего не изменилось, но теперь мать и дочь будто говорили на разных языках. Будто пребывали в разных мирах, и миры эти разделяло знание. Одна знала, что она – вдова. Другая была уверена, что это не так. Оставался вопрос: что теперь делать с этой уверенностью?

В школу Света летела как на крыльях, сотканых из бумаги и парусины. День был яркий, сочный. Каждая капелька росы отражала солнце, превращаясь в отдельную Вселенную. Тысячи и миллионы Вселенных проносились ей навстречу. Путь из дома в школу, который обычно занимал десять минут, Света преодолела за пять.

Школа не изменилась, и было непонятно, почему. Ведь папа жив, он будто воскрес, а значит измениться должно всё. Каждая деталь. Но подружки остались подружками, завистницы – завистницами, хулиганы – хулиганами, а ботаники – ботаниками. Девчонки обсуждали новый сериал «Герои», но ни одна не мечтала стать героиней.

Такой была Георгина. Подруга рассказывала Свете, как боролась с преступностью. В прямом смысле. С настоящей, а не компьютерной. Жизнь Георгины была наполнена приключениями, настоящими, опасными и далёкими от анильных детских фантазий. Новосибирская подруга Светы помогала следствию ловить маньяков. По ночам, она притворялась жертвой

и гуляла в парке, под наблюдением оперативников. Когда подходил маньяк и приглашал девочку к себе или в кусты, под разными предложениями, она давала знак. Педофила задерживали. Допрашивали в отделении, уже без неё, но чуть ли не каждую неделю Георгина видела, как очередному извращенцу скручивают руки за спиной. Кроме того, она каждый день вела переписку в сети, на форумах даркнета, где собирались любители маленьких девочек. Сотрудники милиции берегли девочку словно хрустальную, не позволяя маньякам даже касаться юной «приманки».

– А я вам рассказывала, как моя подруга сама отбивалась...

– Слушай, Калинина, – прервала одноклассница. – Ты уже достала со своей Георгиной.

Георгина то, Георгина сё. Каждый день одно и то же.

Девочки захихикали.

– Долго эти истории придумываешь?

– Я ничего не придумываю! Георгина... Вы думаете, её нет?!

– Конечно есть, деточка, – самая высокая из девочек – Настя – обняла Свету со спины. –

Она есть у тебя в голове.

Света вырвалась и стукнула Настю учебником по руке.

– Ничего я не придумываю. Не нравится, не слушай!

Подруги захохотали, явно наслаждаясь новым шоу: Калинина-обиженка. Света и раньше терпела подобное, но теперь, когда папа воскрес, а мир преобразился, это было особенно больно. Как взлететь и упасть.

К счастью, вмешалась одноклассница Юля:

– А вчера в «Зачарованных» видели как Пайпер...

Дальше она не слушала. Не интересно! Какие-то «Зачарованные». То ли дело Георгина с её маньяками. Ведь это интереснее! Это живое, реальное. Но даже Георгина, с её миром, полным событий, померкла. Стала чем-то далёким и таким же придуманным, как американские ведьмы, популярные у подростков. Всё померкло. Настоящим было только послание от отца. Даже слова учительницы, которые раньше имели значение, пронеслись как шум – насквозь.

Для Светы началась новая жизнь. Пока ей не хватало мужества это осознать, но она началась. И не сегодня. А тогда, в роковой август и роковой год с тремя нулями.

«Я должна... нет, нет, нет, безумие! Но я должна. Обязана!»

Из зеркала на Свету глядела девочка двенадцати лет со светло-русскими прямыми как стрелы волосами, с мягким круглым лицом, с глазами серыми, в маму, но наполненными той же добротой, что была у отца. Доброты этой было в избытке, и Света не любила в себе эту черту.

«Слишком мягкая. Слишком застенчивая».

Девочка была в меру красивой – ни изгоем, ни центром внимания. Она всегда добивалась дружбы с самыми неприятными людьми, и те её не трогали, даже не оскорбляли.

«Меняться».

Она сжала кусок мыла. То выскользнуло и чуть не отбило край раковины – Света вовремя успела поймать.

«Дура».

Надо было только решиться. Чемодан собран. Вещи взяты – и тёплые, и летние. Зубная щётка, расчёска... взять осталось только себя.

Розовые наручные часы показывали девять вечера. Почему-то Света возненавидела эти часы, именно за их цвет. Слишком девчачий. А ведь надо быть мужественной, с этой минуты. Она сняла часы. Положила их на раковину. Вдохнула. Надела обратно. Часы могут пригодиться – они механические, а телефон сядет. У Светы был телефон – модная и не самая дешёвая раскладушка, подаренная мамой на одиннадцатый день рождения. Что примечательно, не розовая.

«Пора».

Она вышла из ванной. Оставила в прихожей записку, в которой изложила всё честно, разве что не упоминая про письмо. «Я еду к подруге в Новосиб. Я так решила! Мама, не переживай, я вернусь в целости и сохранности. Целую (в смысле поцелую, а не то, что я вернусь целой, хотя это само собой). Всё, пока!». Мама в это время была в магазине. Повезло! Из дома она выходила только в магазин и на почту.

Когда бежишь из дома, думаешь, будет холодная погода, морозящий косой дождь, завывающий ветер. И ты будешь идти героически, преодолевая непогоду. Свету же встречал тёплый и даже приятный вечер. Полный штиль.

Всю дорогу до вокзала она думала: «Спросят ли паспорт?». Если нет, блестяще. Если да, придётся выкручиваться. На автобусной остановке, она надела наушники и с полминуты выбирала, какую музыку включить. В основном попадалась дурацкая попса.

«Не сейчас!» – подумала Света. Сейчас нужно было что-то эпичное, соответствующее моменту. Первые шаги в неизвестность. И тут попался трек, от которого на её глазах, в прежние годы, наворачивались слёзы.

В шесть лет, благодаря маме, Света хорошо знала английский. Она умела и очень любила петь. В редкие счастливые месяцы, когда папа был дома, она пела родителям песни на английском, и особенно любила нежную и трогательную «Ode to My Family» – «Оду моей семье», группы The Cranberries. Девочка настолько обожала этот ирландский коллектив, что песни «клюкв» и Долорес О’Риордан постоянно были её спутниками по жизни. Порой, она даже задавала вопросы и слышала в песнях ответы. Шесть лет назад она пела «Оду моей семье», стоя посреди комнаты, босая на тёплом ковре. Мама и папа сидели на диване, играл магнитофон, и, взяв расчёску вместо микрофона, Света пела негромко, местами фальшивя, но так душевно, что улыбка не сходила с папиного лица. Мама иногда кивала, чуть подавшись вперёд – ей было интересно исполнение, произношение английских слов, а вот папе важна была душа.

Теперь, шесть лет спустя, в ожидании последнего автобуса, двенадцатилетняя Света, глубоко внутри оставшаяся той самой босой девочкой на ковре с расчёской, выбрала ту самую композицию.

«Ту ту-ду ту. Ту ту-ду ту... – нежно напевала Долорес О’Риордан. Света тихонько подпевала, стараясь не закрывать глаза, чтобы не пропустить автобус. – Understand the things I say. Don’t turn away from me...»

В салоне, кроме беглянки, почти никого не было. Только парочка молодых на заднем сиденье. Парень и девушка. Они о чём-то шептались, девушка хихикала. У них всё было хорошо. Они никого не теряли. Никуда не спешили на ночь глядя. Ехали, наверное, домой. Или она к нему, или он к ней. Света поймала себя на мысли, что завидует их счастью. Они есть друг у друга. У неё же не было никого. Мама – не в счёт. Подруги? Смешно. Парни из класса, которые хотели с ней дружить? Но они предлагали так неискренне, будто на один день. Нет! У неё был только папа. И был он где-то далеко впереди, в темноте, куда медленно катил автобус.

Медленно. Слишком медленно. Так можно и заснуть. Надо было включить что-то бодрое, и Света нашла песню, подходящую по теме. The Cranberries – Skeleton.

«Faster, faster, faster!» – пела солистка.

«Быстрее, быстрее!»

Но песня только навеяла мысли и дрему. Света не заметила, как произошло то, чего ей так не хотелось. Большие дома скрылись. Остались только задворки. Как ни печально было это признавать, она пропустила остановку.

«Что за тупой маршрут! Все нормальные маршруты заканчиваются на вокзале».

– Конечная, – объявил водитель. В салоне теперь оставалась одна пассажирка – одинокая жертва собственной наивности. Пассажирка огляделась. Кругом было темно. Из окна, освещаемые фарами, виднелись кусты, опора ЛЭП, обшарпанная бетонная остановка с переполненной урной и бычки, что валялись вокруг. Всё прозаично. А где вокзал?! Где врата в новую жизнь?

Вокзал был синонимом радости и грусти. Он был узлом, который связывал судьбы людей и, одновременно, порталом, ведущим далеко в неизвестность. Несколько раз в год семья Калининых отправлялась на вокзал, иногда в полном составе, иногда для того, чтобы воссоединиться. Хотелось бы оказаться прямо на вокзале, но один промах – перелёт – и беглянка очутилась вовсе не там, где желала.

«Были бы у меня тапочки как у Дороти...»

Она решительно встала. Хватит сказок! Идти, так идти.

– А до вокзала далеко? – насколько помнила Света, идти отсюда в город нужно было прямо, по обочине, мимо эстакады. Примерно час пути. И всё же, в этом районе она бывала редко, и стоило спросить.

– Что, уснула, что ли? Тебе на обратный нужно, только автобусы уже не ходят.

– Да, я знаю, – она поправила сумку и крепко взялась за чемодан.

– Чё, пойдёшь? – он усмехнулся, глянув на тяжёлые вещи. – Поезд-то во сколько? Не опоздала?

– А вам-то что? Даже если опоздала, – Света направилась к выходу.

– Сейчас, по темноте, ты никуда не дойдёшь. Пойдём ко мне, переночуешь, а утром по светлу. У меня дома жена, покормит тебя.

Девочка вспомнила одну из многочисленных историй Георгины.

– Спасибо, обойдусь.

Она спрыгнула с порожка, спустила чемодан и покатила свой груз по гравию обочины, навстречу судьбе.

Водитель развернулся, высунулся и прокричал в окно:

– Стой! Хоть подвезу. Мне по пути.

– Нет, спасибо! – она отмахнулась.

Как бы это выглядело со стороны? Отказалась, заподозрила в водителе маньяка, твёрдо решила идти одна, отошла на три метра и тут же передумала? Так смелые бунтарки путешествия не начинают. С другой стороны, его не начинают и с пропущенной остановки.

– Смотри, тут народ всякий бывает.

– Ладно! – подумав, ответила Света, через секунду после того, как водитель начал отъезжать.

Сидя на переднем и глядя как мелькают полосы на асфальте, горе-бунтарка мысленно проклинала себя за глупость. Нет. Света не была бунтаркой. Она не умела быть самостоятельной, просчитывать вероятности и выбирать пути. Она едва ориентировалась в родном городе, а ведь это была далеко не Москва. Это был Старый Оскол, с населением в двести тысяч жителей. Иногда ей казалось, её знают все, а она не знает никого.

– Остановите, – попросила она водителя. До вокзала осталось метров двести. – Спасибо большое!

– Здесь выйдешь? Дай хоть с чемоданом помогу.

– Благодарю, не надо.

– Что, из дома убежала?

Света обернулась на порожке.

– А вот это не ваше дело.

– Училась бы лучше! А так никому ты будешь не нужна, – холодно бросил водитель. – Раньше в восемнадцать сбегали в Москву, ради хорошей жизни, а теперь вон в тринадцать. И что ты там найдёшь? Только на панель и всё?

– Не ваше дело! – закричала Света, уже стоя на земле, за пределами территории наглого водителя, там, где он больше не имел прав. Крик вышел негромким, и не перекрыл даже шума мотора.

– Бросай эти мысли и возвращайся домой!

Не дав беглянке ответить, водитель нажал на кнопку. Дверь автобуса скрипнула. Железная машина покатила дальше, гордо освещая себе путь. Света осталась одна в полутьме, под звёздами, фонарями и далёкими, но, в то же время, близкими огнями вокзала.

«Всего какие-то двести метров. Ха! обойдусь без вашей помощи, господин Всезнайка!»

Внутри у Светы горел адский огонь. Ещё никогда её так не оскорбляли. Не прочили панель. Белая и пушистая сущность пока не сгорела в этом огне, но уже ясно чувствовался запах её подпалённой шерсти.

Света перешла дорогу по зебре. Путь до вокзала немного сократился, но его свет манил ещё будто на горизонте.

«Я как мотылёк, летящий в костёр».

Наверное, стоило отогнать эту мысль – уж больно она пугала. Но Света решила: «Пусть остаётся. И пусть она будет моим проводником».

Не продали. Ещё одна преграда – злая тётка, бесчувственная кассирша. Девочка не успела попросить билет, не назвала пункта назначения, как тётка уже спросила паспорт. Ну, конечно! Чего ещё стоило ожидать? Деньги у Светы были – как и полагается бунтарке, свой поход она начала преступлением, ополовинив мамин кошелек. В наличии беглянки было двенадцать тысяч двести рублей, плюс мелочь. На билет, на еду и на непредвиденные расходы должно было хватить, по крайней мере, на несколько дней. Света чувствовала себя взрослой, держа в руках такие деньги. Но вот чего не хватало ей для полноты ощущения зрелости – так это простой книжицы, которая, по несправедливым законам, выдаётся только в четырнадцать.

Она развернулась. Ничего другого не оставалось. Оглядела вокзал: длинные ряды скамеек, лениво бродившие туда-сюда охранники, сонные люди, краем глаза охранявшие свои чемоданы.

– Такси, такси, – повторял у выхода кавказец, будто мантру. Ключи, которые он вертел на пальце, заменяли ему чётки.

– До Новосиба поедешь? – уверенно обратилась Света.

Кавказец сначала опешил. Девчонка лет двенадцати, в начале сентября, едет на ночь глядя, да ещё в другой город – в Сибирь. Таксист поёжился, не то ощутив кожей сибирский мороз, не то представляя себе чеки за бензин. Недолго думая, кавказец назвал цену. Сумма превышала светин бюджет более чем в полтора раза.

– Ладно, спасибо.

Она отошла спиной вперёд, плавно, бессознательно чувствуя, что водитель такси может поймать её за плечо, решив поторговаться. Но минутой позже бредовая мысль отпустила – торговаться нужно было бы ей, а никак не кавказцу. Тому невыгодно везти куда-то малолетку, а потом отвечать на вопросы милиции.

То ли мысли материализовались, то ли это было очередное совпадение, но в зале появились двое в форме. Один, не торопясь, направился в сторону беглянки. Другой что-то сообщил по рации.

«За мной? Чёрт, да конечно за мной!»

Бежать было поздно – до милиционера была пара шагов. Света успела только отшатнуться.

– Тихо, тихо ты. Калинина Светлана?

– Да, – едва слышно ответила она.

Сотрудник милиции положил ей руку на плечо. Пальцы были холодные и твёрдые. Милиционер не давил, зато давал понять: шаг влево или шаг вправо будет считаться попыткой бегства.

С другой стороны, отсекая последний путь к отступлению, подошёл второй.

– Чё, в отделение пойдём? Признание напишем?

Света опустила голову. Она не была бунтаркой. Не умела выбирать пути. Она знала и была на сто процентов уверена, что однажды научится, но... не сейчас. Слишком быстро.

«You can't outrun your skeleton». «Ты не можешь обогнать собственный скелет».

В наказание за эту слабость, двое милиционеров теперь выбирали путь за неё. В отделение, так в отделение.

«Прости меня, папа», – только и прошептала она, неслышно, в пустоту.

За несколько часов из правильной девочки Света превратилась в бунтарку, а из бунтарки в беглянку. И вот теперь, когда оставалось несколько минут до полуночи, она сидела на жёстком стуле в кабинете детской комнаты милиции. Рядом, на диване, отвернувшись и протирая платком лицо, сидела мама. Достав зеркальце, Валентина посмотрела на свои морщины, достала косметичку, обновила тушь, поддурмянила щёки. Она постаралась сделать так, чтобы не было видно красноты под глазами, как будто в этом было что-то постыдное.

Света, в отличие от матери, сохраняла спокойствие. Будь ей десять или одиннадцать, она бы расплакалась, и такое желание было. Оно давило изнутри. Но Света могла держать себя в руках, оставаться спокойной даже там, куда никогда не попадают не по своей воле хорошие дети. Это была её новая сверхспособность.

Валентину невозмутимость дочери пугала, и от этого она начинала нервничать ещё больше. Преодолев стыд, она посмотрела на Свету.

– Что скажешь?

– Всё хорошо, мамочка.

Это было уже слишком, и мать разрыдалась. Чего не могла понять дочь Валентины – зачем устраивать трагедию там, где можно всё разрешить мирно?

В кабинет вошла женщина в звании старшего лейтенанта. Света поняла это, услышав из коридора, как обратился к ней младший по званию. Женщина была довольно стройной и красивой, правда, сильно перебарщивала с косметикой. Хотя, краситься она умела куда лучше, чем мама. Последняя редко выходила из дома. Первая каждый день видела таких, как Валентина заплаканных матерей, и сразу обратилась к той, ради которой она и пришла в кабинет.

– Фамилия, имя, отчество.

– Мои? – растерялась Света.

– Нет, Пушкина. Ну, конечно, твои, – сказала милиционерша без тени ухмылки.

– Как можно к вам обращаться?

– Фамилия! Имя! Отчество! – времени старлей явно терять не хотела. – Товарищ старший лейтенант, – негромко добавила она, протянув последнее слово и уставившись куда-то в бумаги.

– Товарищ старший лейтенант, или фамилия, имя и отчество – Светлана Александровна Калинина. Мой год рождения – девяносто четвёртый. Тысяча девятьсот.

– Ну, и? – подняла глаза старлей. – Зачем из дома-т сбежала? И мать обокрала?

– Я не кра... Хорошо, признаюсь. Я позаимствовала некоторую сумму, в размере двадцати тысяч трёхсот рублей. Из них потратила только на проезд в автобусе. Но я собиралась их вернуть! Как только доеду, вышлю перевод, от подруги, – Света обернулась на мать. – Прости, мама, я не упомянула об этом в записке.

– Что за подруга?

– Георгина Семёновна Воскресенская. У неё папа, как и вы, в милиции работает. Георгина пригласила меня в Новосибирск, но просила, чтобы я не говорила никому, а приехала сама. Иначе бы меня не отпустили.

– Деньги где?

Света молча достала свой кошелек. Протянула маме. Старлей, чуть склонив голову, посмотрела на Валентину.

– Заявление забирать будете? – та кивнула и взяла кошелёк.

Света мельком посмотрела на часы. Одна минута за полночь. Настал новый день, а предыдущий растворился во тьме. Неожиданно для себя, Света ощутила заряд силы, уверенности, какую испытываешь, когда твёрдо стоишь на ногах после качки. Почему-то ей захотелось обнять маму обнять старлея, но девочка сдержалась. Надо было скромно попрощаться и спокойно дойти до дома. И всё же, тьма отступала. Её разгоняла уверенность, логичная и, в то же время, иррациональная – будет рассвет.

Папа жив. Это точно. Но знать об этом нельзя никому. Даже маме. Тем более, кому-то постороннему. Это убеждение грело Светину душу по пути домой. Шли пешком, по ночной прохладе, которая пришла на смену вечернему теплу. Мама шагала семени, Света, нарочно не попадая нога в ногу, ступала легко и широко.

– Может, такси возьмём? – предложила дочь.

– Все мои деньги хочешь потратить? Тут идти два квартала.

В прихожей, Валентина включила свет не обычным щелчком – она ударила по кнопке. Стянула жмущие туфли, подпрыгивая на одной ноге и держась за тумбочку. Та пошатнулась, отчего помада скатилась на пол. Света подняла и аккуратно положила обратно.

В момент, когда загорелась лампочка, бодрость и весёлость исчезли. Схлопнулись. Теперь Света была в родной квартире как в тюрьме. Через зеркало, она посмотрела на маму. Неужели сейчас будет буря? Но мама, надев любимые просторные тапки, вдруг упала на колени, обняла дочь и принялась её целовать.

– Прости меня! Прости меня, родная.

Следы помады покрыли Светины щёки.

– Что ж я так не уследила за тобой? Что я тебе сделала?! – Валентина ударила дочку по щеке. А потом снова начала целовать.

Неловкость нарастала с каждой секундой. Свете хотелось испариться, провалиться под пол, к соседям, сгореть одной вспышкой! Лишь бы это не продолжалось.

– Мама, – она мягко надавила матери на плечи, не толкая, но и не давая прижаться сильнее. – Ты не виновата.

– А кто? Кто виноват? Может, скажешь мне, а?

Два слова – нет, ещё четыре – обожгли Свете горло. Хотелось высказать, и это объяснило бы многое. «Папа жив. Я хочу его найти». Но было нельзя. Иначе – опасность. Иначе всем будет плохо. Но Валентина уже трясла её за плечи.

– Папа жив! – Света не понимала как, но слова сами вырвались из груди. Говорила не она – что-то внутри вещало её голосом. – Я хочу его найти.

Валентина отстранилась. Миг она смотрела на дочь как на чужую.

– Давай ты приляжешь. Хорошо? Нам нужно отдохнуть. Мы так устали. Да?

– Да. Что я такое несу? Конечно, он не жив, – захотелось расплакаться, но и в этот раз Света проявила новую сверхспособность.

– Но он жив. Где-то глубоко, в наших сердцах.

– Мама, пожалуйста, прекрати! – она чувствовала, что ещё немного, и не сдержится, начнётся рыдание, которое перерастёт в уже пройденную шесть лет назад трагедию. Вспоминать об этом очень не хотелось. – Давай просто ляжем спать.

– Ты права, дочка, – Валентина поднялась, отряхнулась, поправила юбку.

– Только никому не говори.

Услышит ли она последнюю просьбу? Услышать-то услышит, поймёт ли?

Укладываясь спать, Света повторила:

– Никому не говори, ладно? Это важно.

– Хорошо, хорошо. Спи. Я выключаю.

Комната Светы никогда не погружалась в полную темноту. На потолке, сколько она себя помнила, фосфоресцировали звёзды, причём выстроенные в правильные созвездия Малой Медведицы и Южного Креста. Полярная звезда была самой большой. Когда Света была маленькой, она любила на день рождения загадывать желание не на свечи на торте, а на Полярную звезду. То ли она где-то слышала это выражение, то ли придумала его сама, но «Полярная Звезда следила за нашим миром». С другой стороны Земли, эту функцию выполнял Южный Крест. Иногда приходило на ум выражение «мир Полярной звезды». До шести лет Света представляла себе, что вокруг Альфы Малой Медведицы вращается девять планет, как и в Солнечной системе (Плутон тогда считался планетой). В нашей системе лишь одна из девяти планет была населена. В системе Альфы Малой Медведицы, в воображении Светы, населены были восемь планет. На всех жили красивые бессмертные люди, и каждый владел магией. Одна планета состояла из железа, другая – из золота. На железной планете жили изобретатели, а на золотой – цари.

Светлана была уже взрослой, чтобы мечтать, но никто не мог ей запретить фантазировать. И, погружаясь в приятный глубокий сон, она поднималась к потолку и парила среди звёзд.

...А пока Света засыпала, творился параллельный процесс. Тянулись ниточки-истории о юной беглянке, которой зачем-то понадобилось ехать в Новосибирск. Одна ниточка шла от мамы, что обратилась в милицию и рассказала соседке из квартиры напротив. Другая – от пенсионерки, что видела дочь Валентины во дворе. Третья – от парочки, четвёртая – от водителя автобуса, пятая – от кассирши. И ещё три от милиционеров, что задержали Свету на вокзале, и старлея. Все эти ниточки теперь начинали искать собственный путь, чтобы соединиться в узел, который изменит Светину жизнь.

Глава 2

Симагина – женщина лет сорока, полноватая крашеная блондинка – вышла на сцену под ритмичную позитивную музыку. Её небесно-голубое платье искрилось в ярком освещении. С полминуты она улыбалась под синхронные хлопки, пока музыка не затихла.

– Дорогие, мои, любимые, приветствую вас! Вы все счастливы, потому сегодня Космос вам благоволит. Сегодня, в шесть утра, я получила сигнал. Высшие силы передали мне, что всё будет хорошо!

Снова музыка. Люди встали и начали радостно хлопать с новой силой. По команде Симагиной, все прекратили и разом опустились на деревянные стулья.

– Сегодняшнее собрание я хотела бы начать, по традиции, с поздравлений.

Мужчины и женщины, как правило, старше сорока лет, замерли, внимая каждому слову.

– Следующие наши собратья показали превосходные результаты. Михайлова Лидия Петровна достигла уровня Белого Бриллианта, – аплодисменты. – Кравченко Андрей Аркадьевич достиг уровня Синего Бриллианта, – новая порция аплодисментов.

Всего имён было не меньше тридцати. Каждый награждаемый новым уровнем, чуть не краснея от смущения, вставал и кланялся присутствующим.

– Дорогие мои, любимые, – обратилась Симагина к остальным, когда поздравления закончились. – Те, кто на прошлой церемонии не смогли добиться столь высоких результатов. У вас ещё всё впереди! Всё получится. Надо только верить в себя! Верить и не бояться. Вы умеете привлекать богатство и счастье. Надо просто открыть свой Космический Канал. Звёзды благоволят нам всем!

Торжественную речь прервал стук в дверь.

– Да-да? – Симагина недовольно скривилась.

– Извините, – из-за двери показалась коротко стриженная голова. – Мне бы Лидию Петровну.

– Молодой человек, у нас очень важное космическое собрание. Не могли бы вы зайти попозже?

– Это всего на минутку. Мам? Можно тебя?

Лидия встала, извинилась и начала пробираться из середины зала к выходу.

– Так, Володя! – Лидия сложила руки на груди. – Я просила тебя.

– Мам, папа звонил. Он так не может, понимаешь?! – Володя говорил негромко, но дверь закрывать не стал. – Я так больше не могу. Он тоже.

– Что он сказал?

– Он не вышлет деньги.

– Как это не вышлет?!

– Мама, хватит! Я трачу почти всю свою зарплату на эту херню, папа каждый месяц высылает половину... ему это надоело! Вахта, знаешь ли, не сахар!

– Вы оба – эгоисты! Чурбаны!

– Сколько ты денег уже вбухала сюда?

– Духовное богатство не измеряется материальными ценностями.

– Сестра Лидия, – в коридор выглянул один из братьев. – У вас речь.

– Мама, выбирай. Или мы с отцом, или они!

Лидия посмотрела на собрата, потом на сына.

– Сестра Лидия, вы вчера показали лучший результат, вы должны поделиться...

Больше не нужно было говорить ни слова. Плюнув, Володя развернулся и пошёл прочь, метровыми шагами.

Пузырьки воздуха поднимались и лопались на поверхности. Мокрыми пальцами, Света нажала на кнопку секундомера. Минута семь. Личный рекорд.

Раздался приглушённый стук из реальности, вернувший Свету в узкую тёплую ванну из ледяных глубин Баренцева моря.

– Дочь, ты там надолго? Маме надо помыться.

Света вынырнула, отдышалась, смахнула воду с лица.

– Минута семь! В смысле... минутку, – она вылезла, вытерлась и накинула полотенце. Спустила воду в ванной. Снова поглядела на секундомер. «Так мало!».

Насколько задерживают дыхание моряки? Могло ли ему хватить времени, чтобы подняться на сто восемь метров? Опомнившись, Света покинула ванную.

На несколько дней её комната стала похожа на комнату параноика. Света забыла об уроках. Теперь её интересовала только одна тема – подлодки. На стене висел большой лист бумаги, сделанный из нескольких листов А4, склеенных скотчем и разлинованных в клетку. К этому листу, булавками, Света прикрепила три подводных лодки, вырезанных из бумаги: «Курск», «Мемфис» и «Тоledo». «Курск» она закрасила синим, «Мемфис» – красным, а «Тоledo» – жёлтым. В её браузере было открыто полтора десятка вкладок на темы, связанные с катастрофами подводных лодок. На столе лежало три раскрытых тетради. Света посмотрела несколько документальных фильмов и даже один художественный. Пересмотрела под сотню записей выпусков новостей. Её интересовала не столько политическая сторона – какая торпеда подорвала «Курск»: американская или своя – сколько вопрос, мог ли с тонущей подлодки спастись человек.

К одиннадцати вечера, портфель был даже не разобран. Света сидела в наушниках за компьютером, глядя очередной документальный фильм о подлодках. Потирая сонные глаза, она записывала в тетрадку детали, которые считала важными. Последние слова уже вылезали из строки и были неразборчивы. Света клюнула носом, и ручка выпала из её пальцев. Наклонившись поднять, она заметила мамины ноги.

Сняв наушники и поставив на паузу, она развернулась в кресле.

– Светик... может, тебе со специалистом поговорить? А то вчера побег. Сегодня это, – Валентина кивнула в сторону «карты событий», висевшей на стене. Вздохнула. – Опять у тебя этот «Курск».

– Извини? Что значит «у тебя»? – она положила наушники на стол и подошла к матери. – Ты бы не хотела знать прав...

– Да какую правду?! Опять, Света, ну, опять! Давай присядем, – обе сели на кровать. – У тебя это не в первый раз. Я начинаю беспокоиться.

– Что не в первый раз?

– «Курск»! Твой папа умер пятнадцатого августа. Не двенадцатого! Не подводником он был, а продавал шины в магазине. Ты тогда новости увидела и заплакала, а потом, когда папы не стало, у тебя в голове и сложилась картинка. Ну? Мы уже говорили на эту тему.

– Подожди, подожди, – голова закружилась. Мама говорила будто не с ней, да и вообще, была ли это мама?

– Не так быстро, а то кессонная болезнь будет.

– Какая кессонная болезнь?! Ты совсем уже чокнулась! Тебе точно к доктору надо. Никогда твоего папы на «Курске» не было!

Мама вдруг стала врагом. Нет, Света не хотела в это верить. Она отлично помнила, как мама, несколько вечеров подряд, возвращалась домой в таком состоянии, будто пришло одно её тело, пока душа где-то блуждала в поисках ответов.

«Опять ничего не нашли! Нет его списках, и всё».

Несколько лет назад она была решительной женщиной, готовой ехать даже в Мурманск и пешком дойти до Кремля. Она ездила в Видяево – порт приписки – но и там ничего не доби-

лась. Александра Георгиевича Калинина – такого, каким его знала его дочь – никогда не существовало. Так ей говорили все, с кем она спорила. Всех этих людей, которые, с пеной у рта, повторяли одно и то же, Света считала слабыми, «тухлыми». И вот теперь мама стала одной из них?

«Нет, не верю».

Что-то произошло в её памяти. Будто заменили. Изъяли одного человека и вставили другого – фальшивку. Был некий Александр Калинин, но не тот! Не отец. Девочка помнила его могилу – родился в тысяча девятьсот семьдесят втором, умер пятнадцатого августа двухтысячного. Погиб на перекрёстке, в пьяном виде проезжая на красный. У этого мужчины были совсем другие черты лица, другой взгляд – пустой, тухлый.

...«Нон-фикс». Рыжая девушка с двумя хвостиками щёлкнула пальцами и посмотрела на парня в тёмных очках. Веснушчатая, лет восемнадцати. Прямо здесь, в этой комнате. Этот щелчок. И это слово. То ли «нон-фикс», то «мон фикс», то ли «ноль иск», «мон писк»...

Уже с минуту в висках пищало, и мама трясла за плечи Свету, лежащую на ковре.

– Жить будет, – сказал мужчина в белом халате. – Когда в последний раз ели?

– Да вот недавно, два часа назад ужинала. Она у меня вообще мало ест. И вот это всё, – Валентина обвела взглядом комнату. – Может, посоветуете специалиста? Хорошего психолога. Я уже не знаю, к кому обращаться! Навязчивая идея.

– Ну, я всего лишь участковый. Моё дело, как говорится, только тело, а мозги... поищите в Интернете, по объявлениям.

– Спасибо, – Валентина поднялась, поправила причёску. – Знаете, как тяжело одной да одной.

– Понимаю, – доктор помог Свете подняться с пола, чтобы лечь на диван. Сунул под нос нашатырь. – Как твоя головка? Ничего? Полежи немного, а через пять минут давление померяем.

Доктор почти не говорил со Светой, как будто она была растением или домашним животным. Уходил он торопясь. На пороге, только и сказал:

– Кормите девочку получше! И приходите на обследование.

– Непременно! – лицо Валентины сияло, когда она закрывала дверь.

Света глядела на происходящее будто на фильм. Её до сих пор шатало. Тело было чужим, а сама она – крохотным человечком, сидящим у этого тела в голове и управляющим с помощью кнопок и рычагов. Это не реально. Не с ней. Эти взрослые люди – пустышки, суррогаты – кто они?

«Кормите девочку получше». Да-да, кормите. Только не вашими сказками.

Света в один прыжок подлетела к двери, выскочила в коридор, помчалась по лестнице, едва не сбив доктора с ног.

– Там дождь! – услышала она из-за спины, выбегая из подъезда.

Участковый не соврал – дождь лил как из ведра. Взрослые, в том числе и доктор, шли с зонтами. У Светы не было ничего, даже обуви. Как была в носках, она бросилась мимо домов, прочь со двора, в сторону школы.

«Должно же быть хоть что-нибудь!»

На неё оглядывались, она не обращала внимания. Из окон тёплых сухих квартир её видели, бегущей по улице без зонта, без ботинок, она об этом не думала. Добежав до школы, Света остановилась у главного входа. Она помнила, что именно здесь должна была быть мемориальная табличка.

Отдышалась. Подошла поближе. Потрогала стену. Ремонта не было лет восемь, если не больше. Стена старая, где-то кирпичи сколоты, штукатурка осыпалась. Никакой таблички не было и в помине. Даже креплений, даже гвоздей.

«Но его лицо, его бескозырка, его глаза!»

Ничего. Ни следа, ни намёка. Света, по кустам, обошла здание вокруг. Чуть не поранившись, перелезла через забор. Носки можно было выжимать, Света сбросила их, чтобы не мешались. Каждый камушек теперь колот ступни.

«Где же?!»

Ни на одной стене, ни на одной двери, ни на одном столбе. Лицо голубоглазого моряка исчезло из окружающей реальности насовсем, оставшись только в её памяти.

Света легла на траву спортивной площадки. Раскинула руки и ноги, позволив дождю бить себя мокрыми кнутами сколько угодно.

«Если это поможет добраться до правды...»

Ливень был похож на холодные воды Баренцева моря. Не вода падала с неба – Света медленно всплывала на поверхность. Тёмные воды лжи стояли перед нею плотной стеной и не желали расходиться. Света дышала тяжело, вся одежда была пропитана грязью и сентябрьским дождём, но было в этом и что-то приятное: голова теперь не кружилась. Мысли собирались воедино. Яростно поливая землю, тучи отдавали последнее, чтобы поскорее разойтись. Уже через несколько минут, они выжали себя досуха, и далеко в вышине показался кусочек неба. На нём искрилась Альфа Малой Медведицы. Полярная звезда.

Мужчины и женщины от сорока лет ходили от одного стола к другому, рассматривая драгоценности и каталоги. Последние представляли собой папки с подшитыми в них чёрно-белыми распечатками. На каждом листе было от пяти до семи фотографий камней с подробным описанием каждого. Например, «Небесный лотос. Крайне редкий экземпляр. Заряжен энергией буддийских монахов северного Тибета. Уровень: двадцатый. Цена: триста тысяч рублей». Остальные камни стоили не так дорого: от двадцати тысяч – за низкие уровни – до ста пятидесяти.

– Что-то присмотрели? – тихо, чтобы не отвлекать остальных, спросила Симагина женщину лет шестидесяти.

– Уж больно дорого, дочка.

– А что поделать, милая моя? Камни заряжаются не у нас. Какие в Тибете, какие придутся с Бали везти. Есть даже камень с плато Наска. Хотите, покажу?

– Нет, нет, упаси Боже! А есть чего подешевле?

– Дорогая моя, Екатерина Петровна, вы себя слышите? Вы ведь не на базаре. Что значит подешевле? Вы так никогда уровень не получите. Вы ведь, извините, не монах-отшельник, энергию через себя круглые сутки не качаете, в верховные джаны войти не умеете. Это они способны без камней, а мы, простые смертные, увы! Мы без них как без крыльев. Представьте, вас за ручку ведут в сокровищницу, где валяются под ногами тонны золота. Что вы с собой возьмёте: сумочку маленькую? Чемодан? Или тележку покрупнее? А ещё лучше КамАЗ! Вот ваша подруга уже КамАЗ выбирает. Серафима Аркадьевна, подойдите-ка, на минутку. Оба, с братом. Помогите Екатерине Петровне с выбором.

В зал, между тем, вошла молодая девушка в короткой джинсовой юбке. Ни на кого не глядя, она быстрым шагом ловко обогнула двоих пенсионеров и подошла к Симагиной.

– Дочь Александра Калинина, – сказала она твёрдо и сухо.

– Не здесь, – та кивнула в сторону отдельного кабинета. – Братья и сёстры, я вас ненадолго покину, продолжайте выбирать!

Симагина закрыла за собой на ключ.

– Опять нон-фикс?

– Читала пятерых, всё сходится. Четыре дня назад она пыталась уехать в Новосибирск. А вчера и вовсе учудила – в одних носках добежала до школы и лежала под дождём на футбольной площадке.

– Нон-фикс?

– Только бы не он! Саму прочитать не успела. Только свидетелей. Водитель автобуса только жене говорил. Он считает её тринадцатилетней хамкой. В милиции про неё уже не помнят. Там и фиксировать ничего не пришлось.

– Ох, смотри у меня! Передавать тоже нельзя. И недодавать опасно. Собери полную картину. Если это не нон-фикс, можем накосячить.

– А если он?

– Там посмотрим. Главное, чтобы с нашей стороны было всё чисто. Бедная девочка! Если это помешательство по нашей вине, ты знаешь, что будет. Я пока не буду сообщать Маргарите, она, не дай Боже, наверх поднимет, заставит всё переделывать.

– Да нормально всё будет.

– Слушай, ты покрасилась? Тебе медно-рыжий идёт.

– Да нет, всегда такие были, – девушка поправила хвостик.

Седьмой «Б» иногда называли «Домом два», причём не только ученики, но и некоторые учителя. Клубок отношений в этом классе никогда не распутывался, и с каждым годом затягивался туже. Свете суждено было выживать в этом клубке. До сегодняшнего дня ей относительно везло – над ней почти не издевались, так как Света умела находить общий язык со всеми. Куда больше доставалось некрасивым тихоням. Однако теперь внимание трёх самых отъявленных хулиганок переключилось на неё. Самым обидным было то, что одной из этих хулиганок была её бывшая подруга. Настя. С первого по третий классы, Настю дразнили из-за высокого роста. Тогда она подружилась со Светой, и та убедила Настю, что рост – не проблема. Он – преимущество. Самые красивые люди – высокие. Настя не просто начала по-новому смотреть на себя, она возгордилась, да так, будто не она была обязана Калининой, а Калинина – эта «белая мышь» – ютилась в её тени. Потом Настя перешла в группу хулиганок и встала под началом Юли – первой красавицы. Насте нравился тот же мальчик, что и Юле, через новую подругу она надеялась его заполучить. Сколько Света ни пыталась убедить Настю – отбив у Юли Игоря она не укрепит дружбу с Юлей, а, напротив, разобьёт в пух и прах, слова отскакивали, как вода от брезента. Настя воду не любила – ей больше стал по нраву огненный характер Юли.

Одноклассницы устроили Свете западню – приготовили ведро с водой, и не просто водой, а грязной, украденной у технички после того, как та помыла пол. Класс вёл себя как обычно, будто никто ни о чём не знал. Многие приготовили мобильные телефоны с камерами. От такого зрелища отказался бы не каждый.

Свету окатили с ног до головы. Хохот зазвенел на весь класс, и девчачий, и мальчишеский.

– Как тебе дождик? – добавила Юля. – Тебе ведь нравится лежать под дождём!

Это было далеко за гранью. Та ночь, тот ливень – это было слишком личное. Света готова была наброситься на Юлю, расцарапать ей лицо, но та уже подготовила путь к отступлению. Бегала она быстро. Если погнаться, это будет ещё одно зрелище на потеху публике. Нет уж. Хватит зрелищ.

Света молча сжала кулаки, развернулась и пошла домой. В коридоре, она встретила учительницу.

– Калинина, ты почему не в классе?

– Отстаньте все от меня!

«Почему не в классе? А не интересно, почему я мокрая?»

Только дома, она позволила себе разрыдаться. Хотелось надеяться, что в последний раз в жизни.

Часа полтора Света отмокала в ванной. Слушала «Клюкв». Делала всё, чтобы заполнить радостью блаженные минуты, когда никто не стучит, не обзывает, не льёт на тебя помой, не требует, чтобы ты была в классе или делала уроки.

«Если ты ненавидишь, значит тебя победили. Так, кажется, говорил Конфуций?»

Стоило ли ненавидеть Юлю? По сравнению с Георгиной, она была никто. Красивая пустышка. Юля не несла обществу никакой пользы. Ничем не отличалась. Фанатка «Зачарованных»? И что?

«А если бы я сама была зачарованной? Ведьмой. Она боялась бы меня? Уважала?»

Мысли опять возвращались в Новосибирск.

«А как поступила бы на моём месте Георгина? Она сильная. Ничего не боится. Может дать отпор. Значит, я сама должна быть сильной. А ещё Георгина умная, раз ей удалось найти папу».

Конечно, приятное одиночество не могли не прервать. Опять мама. Сейчас начнётся: «Почему не в школе?», «Что случилось?» и так далее. Промелькнула мысль утопиться, чтобы это всё закончилось.

– Там подружка к тебе пришла. Говорит, хочет извиниться.

«Неужто Настя?»

Света не торопилась одеваться, да и выходить раньше времени. В прихожей действительно стояла Настя. Хотелось спросить маму, зачем та её впустила. Только завидев подругу, Настя тут же начала:

– Свет, извини, пожалуйста! Мы же не думали, что ты так обидишься. Просто мы хотели дружески подшутить.

«Ага. Обидишься. Дружески. Наверняка, классуха вашу троицу нахлобучила и заставила извиниться».

– Мы, правда, не хотели, не думали, что ты домой убежишь.

В её словах так и слышалось: «Не мы виноваты, что ты такая истеричка».

– Знаешь, что, – Света хотела уже позволить себе потерять самоконтроль, накричать на «лучшую подругу», но та не дала сказать ни слова.

Чуть не задев подругу плечом, не спрашивая разрешения Валентины, Настя пробежала в Светину комнату. Раскрыв рот, она оглядела стены и уставилась на «карту событий».

– Да ты в натуре чокнутая.

– Настя, что ты тут делаешь?! – Света не любила свой голос, когда нервничала – он переходил на визг. Хозяйка комнаты, в которую вломились так бесцеремонно, сделала несколько глубоких вдохов.

– Это что, всё ты сделала? – Настя заглянула в тетрадь. – «Гибель АПЛ „Курск“. Двенадцатое восьмое двухтысячного». Так вот оно к чему всё.

– Выметайся из моей комнаты! Или ты думаешь, что можешь меня унижать? Оскорблять? Да, вам было весело, когда вы облили меня помоями на глазах у всего класса.

– Да ты всё не так поняла!

– Дай я договорю. Ты помнишь, какой ты была в третьем классе? Тебя называли дылдой!

– К чему это ты? – Настя снизила тон, поёжилась.

«Отлично, значит работает».

– А к тому, что, если бы не я, ты бы так и не уважала себя. Понимаешь?! Ты – предательница, Настя! Так что пошла вон из моей комнаты. И больше не возвращайся. Иди к своей Юле!

– Ты сама на себя посмотри! Кто с кем начал дружить...

– Не перебивай! Это моя комната. И я в ней хозяйка. А ты – гостья. Так что послушай меня.

– Девочки! – попыталась вмешаться мама, но Света захлопнула дверь.

– Я дала тебе подарок – самоуверенность. Но ты оказалась его недостойна, – Света поражалась тому, как твёрдо и низко звучал её обычно звонкий голос. Так могла говорить Георгина. – Теперь я забираю этот подарок. Ты его недостойна. Проваливай, дылда! Шпала! Переросток! Жирафина!

– Света, что ты такое несёшь?! – на глазах Насти уже проступали слёзы. Бывшая подруга краснела, её речь сбивалась. Настя попятилась назад, нашарила за собой ручку двери.

– Дылда! Шпала! Переросток! Дылда! Шпала! Переросток!

По лестнице Настя бежала так быстро, словно покидала горящий дом. Минуту назад её мир перевернулся. Вода загорелась, а само время потекло вспять. Выскочив из подъезда, она едва не запнулась на крыльце.

– Стоп, – Настю поймала за плечо рыжая девушка с двумя хвостиками. Приложила пальцы к её вискам. Поддержала несколько секунд. – А теперь иди. Цхосн.

Глядя в открытую дверь из прихожей, Света не могла поверить, что бывшую подругу прогнала именно она. Развернувшись, она бросилась в объятия матери.

– Мамочка, пожалуйста! Я не хочу возвращаться в школу. Прошу тебя, сделай всё, чтобы я туда не ходила. Я буду учиться дома! Я снова буду учиться на пяёрки. Только не отправляй меня туда!

– Тихо, тихо, тихо, – Валентина погладила дочь по спине, поцеловала в темечко. – Может, ты и правильно поступила. Но в чём-то и Настя права? – дальше мама говорила шёпотом, и от этого становилось жутко. – Это твоя навязчивая идея всё портит. Она просто нелепая, понимаешь? That's ridiculous.

Иногда Валентина прибегала к этому приёму, когда Света была маленькой и капризничала – использовала английские слова. На долю секунды это вводило девочку в ступор, а затем она начинала подбирать у себя в голове значение незнакомого слова. Это отвлекало её от собственных капризов. Но сейчас это не сработало. Света внимательно посмотрела на мать снизу вверх.

– it's not ridiculous, mother. It's true. You are ridiculous.

«Это не смешно, мама. Это правда. Ты – смешная».

«Дорогая Георгина! Вчера я поссорилась с мамой. Я просила её поговорить с директором, попросить, чтобы я не ходила в школу, в конце концов придумать, что я заболела. Мама не пошла мне навстречу. Сказала, я должна учиться, начало года и бла-бла-бла. Иногда мне кажется, что меня никто не понимает – только ты.

Сегодня я в школу не пошла. Прогуляла. Пишу эти строки, сидя под мостом. Тут жуткий запах и очень шумно от машин. Зато вдалеке плавают утки. Свободные существа. Хотела бы я быть уткой!

Они думают, тебя не существует. И папы не существует. Иногда мне кажется, я живу в мире лжи. А иногда кажется, что кажется. Ложь стучится вокруг меня».

Света почесала за ухом, поправила уносимый ветром листок бумаги, который прижимала к портфелю.

«Я совсем одна. Даже ты, наверное, не сможешь мне помочь, так что, я пишу это, скорее, для себя».

Она встала, размялась. Огляделась. День был солнечный, приятный. Почему школьников лишают этих чудесных дней бабьего лета, заставляя сидеть в душных помещениях? Свете казалось, она украла этот день, это полуденное солнце, речку и даже беззаботных уток. Подобрал камушек, она бросила его в воду.

«А как бы поступила Георгина?»

Ответ пришёл тут же. Напрямую из космоса.

«Если что-то выглядит как утка, крикает как утка и плавает как утка, значит это утка и есть».

Света подняла и отряхнула портфель. Скомкала письмо, бросила на берег. Начала подниматься по крутому склону. Вернулась, подобрала бумажку и выбралась наверх, чтобы бросить её в урну.

В школу Светлана успела точно к последнему уроку. Извинилась и заняла своё место, как ни в чём не бывало.

После урока пришлось зайти к директору. Света понимала, что это неизбежно и заранее приготовила ответы на вопросы.

«Да, погорячилась. Да, у меня было временное помешательство, но теперь это в прошлом. Я готова исправиться».

Труднее всего было бы признаться, что она не верит в Александра Калинина. Вернее, в Александра-моряка с мемориальной таблички. Но ради своего плана, Света готова была пойти даже на такое. Убедить всех, что она нормальная, что ничего не изменилось, и всё идёт своим чередом, означало бы отвести беду и от папы, и от Георгины, и от себя.

Труднее всего оказалось убедить маму. В доказательство, Светлана даже собрала тетрадки, в которых собирала факты о подлодках, вместе с «картой событий», и вынесла их на помойку. Если уж играть утку, то играть до конца. Несколько дней подряд, Света изображала обычные для себя лёгкость, усидчивость, мягкость и вежливость. Это были одни из самых тяжёлых дней. Натянуть на себя маску. Быть как все. Быть Кларком Кентом, когда внутри тебя Супермен и кому-то нужна помощь.

В субботу, Валентина с дочерью съездили на кладбище. Поправили оградку, прибрали на могиле, помянули «отца». В мужчине, что глядел на неё с памятника пустыми глазами, Света честно пыталась увидеть настоящего папу. Но никак не видела.

Уходя с кладбища, она оглянулась.

– Света, ты чего, – испугалась Валентина. – Плохая примета. Плюнь через левое плечо.

На дорогу плевать она не стала, только сделала вид.

«Ох, уж эти взрослые с их приметами! И они говорят, это я верю в сказки».

Вот уже вторую неделю Света играла роль обычной девочки. Гуляла с подружками по городу, обсуждала мальчиков и сериалы, делала уроки, у доски отвечала на «пять». Она уже сама готова была поверить во всеобщую ложь.

«Если я выгляжу нормальной, говорю как нормальная, веду себя как нормальная, значит я нормальная и есть. Мой папа торговал шинами и разбился на перекрёстке. Я иду на поправку. Всё хорошо!»

Миновала ещё неделя. Синоптики обещали последний день бабьего лета. Девочка-утка гуляла по центру одна. Был субботний полдень, обычный жаркий день. Листья ковром пестрели под ногами. И всё было бы донельзя нормально, если бы не рыжая девушка с двумя хвостиками.

Рыжая гуляла. Просто гуляла, не выполняя никакого задания. Лизала мороженое. Идя навстречу Светлане, она остановилась, поймав на себе взгляд. Цепкий. Пристальный. Серые глаза раскрылись так, будто Света глядела на привидение. Рыжая развернулась и поспешно зашагала в противоположную сторону. Этим она сделала хуже – привлекла внимание.

«Нон фикс? Ноль иск? Твин Пикс? – лихорадочно перебирал варианты Светин мозг. – Я видела тебя. Видела, видела, видела!»

Обычная девушка, ничем не примечательная, даже не слишком симпатичная. Рыжие волосы бывали у многих. Инфантильные два хвостика никак не портили вид – рыжей наверняка было не больше двадцати. Но её щелчок, и это странное слово...

– Нон-фикс! – громко произнесла она, глядя прямо на рыжую. Это было в парке, где рыжая не успела скрыться. – Что это значит?

– Это ты, – ответила рыжая и бросилась бегом.

У Светы была четвёрка по физкультуре, но бегала она хорошо. Таинственная рыжая покинула парк, выскочила на улице и повернула направо, чтобы влиться в поток людей. Свете казалось, она едва не наступает рыжей на пятки, и почти догнала. Та бросилась налево, в тупик. Видимо, плохо знала город.

«Вот ты и попалась».

Но в тупике не было никого. Только несколько мятых пластиковых пакетов, граффити на стене, бутылки и бычки. В слепой надежде, что рыжая обладает способностью человека-паука, Света глянула вверх. Но там была только бетонная стена, а ещё выше – бледное небо с лениво зависшими облаками.

«Неужто она умеет летать?»

Ей не могло показаться. Рыжая была реальна. Реальнее, чем всё вокруг. И эта рыжая точно была в её комнате, когда щёлкнула пальцами и произнесла «нон-фикс». Ещё одна загадка. Правда, теперь у загадки появился ключ. «Это ты». Что бы эти слова ни значили, Света чувствовала – скоро она это поймёт.

Нужно было делать уроки, но какие могли быть уроки, когда все мысли занимала девушка из видений и снов? Это был уже третий раз, когда Света видела рыжую с хвостиками и парня в тёмных очках. В последний раз это произошло, когда она упала в обморок. Значит...

Дерзкая мысль пришла на ум. Свете пришлось несколько раз отогнать её, но к полуночи идея лишь укоренилась.

«А что если попробовать?»

Ради ответов на вопросы, можно было зайти очень далеко. Света убедилась, что мама спит. Вернулась в комнату, взяла карандаш. Заточен достаточно остро. Широко раскрыв ладонь, она зажмурилась и ткнула карандашом прямо в середину ладони. Сильно надавила, провернула для надёжности. Может, карандаш был тупой, а может кожа слишком крепкой. Образовалась только одна капелька крови.

«От этого сознание не потеряешь».

Света вообще не замечала за собой, чтобы от потери крови у неё кружилась голова.

«Что ещё? Высота!»

В детстве, она боялась высоты. Постепенно, страх вышел, и Света теперь даже мечтала прыгнуть с парашютом. Но сейчас надо было вызывать из детства именно страх.

Идея потерять сознание в надежде увидеть образ, конечно, была наивной, и несмотря на это, Света вышла на балкон, подставив лицо прохладному и сырому ночному ветру. Посмотрела вниз, во двор. Потом резко вверх, на звёзды. Где-то среди этих жемчужин была её любимая Полярная звезда.

«Помоги мне», обратилась она к далёкой маленькой точке.

Словно в ответ ей, Вселенная сдвинулась с места. Голова пошла кругом. Никогда ещё Света не радовалась головокружению. Безумие любопытства захлёстывало всё сильнее с каждой секундой, потом отпускало немного и накатывало новой, более мощной, волной.

Яркий солнечный день. Уже не бабье, а самое натуральное лето. Юг. Искрящееся море. Света обнаружила себя на краю высокого утёса. Вокруг были подружки, знакомые, и даже мама. Все прыгали в воду, весело кричали и хохотали. Но Света не спешила – замерла, глядя вперёд. На фоне горизонта стояла подводная лодка. Она узнала бы эту лодку из тысячи. Огромный, видимый за километры, над этой лодкой развевался андреевский флаг.

– Давай к нам, Света! – рядом, на утёсе, она заметила маму. Та с разбегу, поджав под себя ноги, прыгнула в море. – Ту не высоко! Это только кажется! – крикнула она уже снизу.

На подлодке стоял мужчина. Издалека его почти не было видно, но, при виде него, у Светы участилось сердцебиение. Мужчина помахал ей рукой и прокричал в рупор её имя. Страх ушёл, растворился как последние воспоминания о былых потерях. Света сделала шаг со скалы.

Один миг. Вспышка. День сменился ночью. Утёс – балконом. Скала – домом. Рука дёрнулась быстро, сама, древним хватательным инстинктом, и зацепилась за край балкона. Левая чуть не соскользнула. Край был испачкан липкой красной жидкостью. Только теперь Света поняла – это её кровь. Пришлось перехватиться правой рукой. Сил едва хватало, чтобы держаться, а подтянуться и выбраться казалось невозможным. Оставалось только кричать.

– Помогите! Мама! – никто не слышал. – Ма-ма!

Никогда ещё Свете не было так страшно. Вдруг мама спит? Вдруг балкон закрылся от порыва ветра? Слышит ли кто-нибудь или все спят?

Чья-то рука крепко ухватила запястье. Света посмотрела вверх. Это была не мама.

Глава 3

Лёжа на ковре, она дышала часто и глубоко. Мама суетилась неподалёку, в поисках бинта. Чтобы успокоиться и понять, что произошло, Света глядела на люстру. «Висюльки», как она называла декоративные элементы старой советской люстры, переливались ярким жёлтым цветом. Почти как звёзды, как блики на воде, которые она видела недавно.

Мама нашла бинт и, приговаривая «Светочка, родная моя, что ж ты с собой делаешь! Ведь всё было нормально», смазала рану йодом и забинтовала. Валентина не знала, куда себя деть, проклинала себя, называя плохой матерью. Света же, как и тогда, в милиции, была спокойна. Больше всего её интересовал один вопрос...

...Кем были те двое, что сидели рядом, на ковре?

Одну неожиданную гостью узнать было непросто – её облик изменился. Волосы укоротились и стали темнее. Другой – парень, может быть, на год младше девушки – был Свете незнаком. Полторы минуты назад, и как будто в прошлой жизни, Светины пальцы скользили на краю балкона. Ещё немного, и девочка пролетела бы восемь этажей и встретила асфальт. Это была бы последняя встреча в её недолгой жизни. К счастью, бывшая рыжая вовремя ухватила её запястье.

– Руку давай! – крикнул парень и вцепился в левую, окровавленную, ладонь. Когда её тянули вдвоём, левая рука болела, и всё же это была приятная – спасительная – боль.

И вот она лежала на ковре своей комнаты, возле тех, кому обязана была жизнью.

Мама закончила перевязывать рану. Голова пришла в норму.

– Спасибо, – прохрипела она, поднявшись. Голос немного сел от крика.

– Так! – Валентина встала, выпрямилась и поставила руки в боки. – А ну, все вместе идём на кухню, чай пить!

– От чая бы я не отказался, – улыбнулся парень. – А с чем?

– С объяснениями!

Рыжая, всё-таки, изменилась. Попивая горячий напиток, Света глядела на неё неотрывно. Почти как тогда, на улице и в парке. Она предполагала, что ответ придёт быстро, но чтобы через полдня...

– Как тебя зовут?

– Друзья зовут меня Мара, – бывшая рыжая протянула руку.

– Врёт она, – усмехнулся парень. Та ткнула его в бок. – Обычная Маша. Марой только она себя называет.

– Ну, что ты всё портишь?

– Ничего не порчу. Что за дурацкое имя – Мара? Мара – дитя кошмара. Мара, дай скипидара.

– Заткнись!

– А я не заморачиваюсь с именами. Я – Костик. Ты должна меня помнить, – ловким движением, он надел тёмные очки. Света раскрыла рот. Теперь-то всё встало на свои места. Или почти всё.

– А я постоянно говорю – это у него очки Кларка Кента. Без них никто не узнаёт.

– Ага, – Костя снял очки и положил в карман. – Учись! Косяк.

– Что сразу косяк?!

– Так, давайте потише, оба, – вмешалась Валентина. – Соседи спят.

– Извините, – Костя отхлебнул чай. – М! Вкусно. Никогда ещё на заданиях чаем не угощали.

– На каких заданиях? Вы кто вообще такие?

– Мы работаем на одну организацию, – ответила Маша. – Я не могу вам её назвать. Уж простите. Секретность.

– Спецслужбы, значит?

– Нет. Берите выше. Но, вы, тётя Валя, всё равно ничего не запомните. Зато ваша дочь... – Маша значительно оглянулась на Свету. – Вы, конечно, не знали, но она у вас – нон-фикс.

– Опять ты путаешь, косяк. Нон-фикс – это не сам человек, а идея, которую не получается или невозможно зафиксировать.

– Сам ты косяк! Это не суть важно, – она обратилась к виновнице чаепития. – Сегодня в парке ты меня напугала. Я серьёзно! То, что я изменилась – не удивляйся. Это у нас вроде наказания. Если напоролась на нон-фикс, и он тебя узнал...

– Ко-сяк.

– А ну, заткнись! Так вот, если он тебя узнал – меняй внешность. Это ещё самое мягкое. У нас с этим очень строго.

– Слушайте, а если мама ничего не запомнит, а я, как вы сказали, нон-фикс, может скажете, что вы за контора? Я никому не скажу, клянусь.

– Только на крови не клянись, – добавил Костик.

– Неуместно! – сделала замечание Маша. – Организация, где мы работаем – часть иерархии. Над ней – ещё одна, более тайная и сильная. Над той – ещё одна. Если ты узнаешь их названия, нам придётся тебя убить. Это не выражение, а в прямом смысле.

Оба – и Костик, и Маша – одновременно получили СМС.

– Времени мало, – сказал Костя. Маша поднялась и, подойдя к Валентине, положила ей руку на плечо. Попросила отойти. Костик обратился к Свете: – Бери ведро, мыло и тряпку, набери тёплой воды и пошли на балкон.

На балконе, Света тщательно отёрла уже успевшую высохнуть кровь. Пришлось потрудиться.

– Таких как ты, мы называем «нефиксируемые», – пока Света мыла край балкона, объяснял Костя. Снова надев очки, он глядел куда-то вдаль. – Фиксация – это внушение определённых воспоминаний. Примерно девять человек из десяти легко поддаются фиксации. Но бывает, какая-то идея, мысль, воспоминание – въедается в память. Её трудно удалить, как то же пятно. Это пятно и называется «нон-фикс».

Девочка прекратила мыть. Посмотрела на Костю как на демона.

– Мой отец – пятно?

– С твоим отцом, – вздохнул Костя, – всё сложнее. Если бы ты знала правду, ты бы не хотела его искать. Ты бы постаралась о нём забыть.

– Это почему?

– Не могу тебе объяснить. Не имею права.

«Какое удобное оправдание, – подумала Света. – Не имею права! Конечно. Когда ты исполнитель, за тебя думает начальство. Всегда ссылайся на него. Так ведь легче, проще!»

– Что делают с нон-фиксами?

– Пытаются стереть, снова и снова. Носителей нон-фиксов иногда устраняют. Тебя сегодня пытались... мы называем это «закрыть» человека. Опоздай мы на полминуты, тебя бы уже не было. Не уцепись ты за балкон – тоже, – он сел на корточки. – Сейчас Маша фиксирует твоей матери новое воспоминание. Никакого падения с балкона не было. Нас не было. Ты раскровила себе ладонь – как именно, сама придумашь – и твоя мама обнаружила тебя без сознания на ковре.

– По какому праву вы это делаете?! – Света возненавидела и Костю, и Машу и всю их тайную организацию. – Кто вам разрешил копать в чужих мозгах?

– Глупая ты. Не понимаешь, что такое власть, – он поднялся. Снова посмотрел вдаль. – Не думай, что мы такие плохие. Не дели мир на чёрное и белое. Переписывая память, мы не вредим человеку. Напротив, помогаем избавиться от лишних забот и страданий.

– Я тебя сейчас с балкона сброшу, если не объяснишь! – она встала, придвинулась поближе. Оказалось, что Света чуть ниже Кости – на половину лба. Парень, по виду, был шуплый, да и стоял расслабленно. – Что вы за фирма? Что со мной будет? Зачем вы стёрли моего папу?!

– Тихо-тихо, – усмехнулся Костя. – Во-первых, пожалуйста. Был рад тебя спасти. Я вообще сторонник ненасилия. Во-вторых, тебе уже два раза ответили – не можем мы назвать организацию. Но если хочешь нас найти, – он протянул визитку.

– Центр Духовного Просветления «Кристалл». Это что, та секта, которая камушки впаривает? Ты там работаешь?

– Нет. Это один из пунктов, где меня можно найти. Но, формально, я там не числюсь. У нашей организации много точек по всему городу. Юридически, они между собой не связаны. А нашей организации, как ты должна понимать, по бумагам вообще нет.

– И что мне с этим делать?

– Поскольку ты нефиксируемая, у тебя два пути – приходи к нам или притворяйся уткой.

– В смысле, уткой? Ты...

Костик вышел в комнату.

– Ну, или шлангом, как хочешь.

– Подожди, откуда ты узнал про утку?!

Маша и Валентина распрощались в коридоре, поцеловавшись, будто старые подружки.

– Вы – замечательная женщина, тётя Валя. Жаль, вы меня не запомните после того, как мы уйдём.

– Пока, Маша. Ну, что ж поделать, – она пожала плечами.

– Всего хорошего! И бросайте курить.

– Счастливо, ребята! Лифт не работает, лучше идите по лестнице.

– Ага, – улыбнулась Маша, помахала Свете и приложила ко лбу Валентины два скрещенных пальца. Едва слышно, она произнесла какое-то слово на «ц». Ещё раз помахала. Валентина закрыла за гостями дверь.

У Светы ещё был шанс их догнать, но мама задвинула щеколду.

– Чего это у нас дверь была открыта? Свет, ты выходила куда-нибудь?

– Мама, что ж ты делаешь?! – она второпях открыла и выбежала на лестничную клетку.

Света бежала вниз через три ступеньки. Она помнила, как неспешно уходили Костя и Маша. Была уверена, что они где-то на лестнице, в районе седьмого этажа. Вот и седьмой. Никого. Шестой. Пятый. Четвёртый!

«Нет, нет, не может быть!»

Третий. Надежда таяла. Второй. Если бы они бежали, их было бы слышно. В этом подъезде каждый чих доносился этажей за пять. Быстрее, быстрее. Вот уже и дверь подъезда. Света вышла на крыльцо, оглядела ночной двор.

«Да не могли же они испариться?!»

Ночная гонка по лестнице вымотала Свету. Теперь придётся объяснять маме, что это было. Только одно радовало – в кармане лежала визитка. Или не лежала? Света остановилась и пошарила в карманах. Визитка никуда не исчезла. Реальный, вполне осязаемый, прямоугольник из плотной бумаги. С теми же логотипом, адресом и телефоном.

«Выходит, были. Я их не придумала».

Наверх она поднималась медленно, осматривая каждый пролёт, каждую стену. Там отбита штукатурка – кто-то выносил тяжёлый холодильник – там неприличное слово, там непонятное граффити, чья-то подпись. Не могли же они сквозь стену выйти!

«А может, они призраки? А может... ангелы? Точно! Ангелы или демоны. Организация – это рай. Или ад? Они меня спасли, значит ангелы».

С этими мыслями, девочка добрела до восьмого этажа. Мама, как стояла, так и продолжала стоять на пороге в халате. Губами потрогала дочери лоб.

– Завтра в школу не идёшь.

– Ну, правильно. Завтра воскресенье. Вернее, уже сегодня. Мамочка, да всё в порядке! Я просто... – она не нашла, что ответить и сделала самое глупое, что пришло в голову – прикоснулась к маминому лбу двумя скрещенными пальцами и произнесла: – цинь!

«Не прокатило».

– Быстро иди спать. Утром поговорим.

Найти ЦДП «Кристалл» оказалось достаточно просто – фирма располагалась на первом этаже большого офисного здания в центре города и занимала весь первый этаж. Коридоры были ярко освещены. Тихая приятная музыка в жанре нью-эйдж создавала ощущение рая. У Светы перехватило дыхание – что если это и вправду филиал рая на земле? Она отогнала эту мысль.

В коридорах никого не было. Девочка обошла весь первый этаж по кругу, но из людей заметила только уборщицу.

«Работают ли в раю уборщицы? Или ангелы убирают сами? Стоп, они же невесомы. Значит, на пол не ступают и не оставляют грязи».

До слуха донеслось хоровое пение. Пели за большой двустворчатой дверью, наверняка ведущей в просторный зал. Пение вскоре закончилось. Света не успела разобрать ни слова. Под аплодисменты, двери открылись и, за минуту, коридоры наполнились людьми. Молодых почти не было. На глаза попались только несколько, и все они были одеты в голубое: парни в голубые рубашки и чёрные брюки, девушки – в такие же платья и чепчики, похожие на те, что носили в Средние века. Света подошла к одному из молодых людей. Прочитала на бейджике имя «Евгений».

– Здравствуйте, Евгений! Мне бы найти Костю.

– У нас никакой Костя не работает.

– А Маша?

– Маша, можно тебя на минутку?

Подошла стройная девушка с длинными каштановыми волосами. Приклеенная улыбка не сходила с её лица.

– Чем могу помочь?

– Это не та Маша, а есть другая? У неё короткие волосы и...

– Сожалею, – парень отвернулся и переключился на одного из клиентов – тучного лысого мужчину.

– Я – нон-фикс!

Эти слова заставили молодого человека снова обратиться к девочке.

– Что, прости?

– Или, как вы говорите, нефиксируемая. И ещё я дочь Александра Калинина.

– Пройди, пожалуйста, в зал и подожди там, – Евгений заволновался, оглядел коридор. – Маша, проводи. И проследи за ней, – сказано было тихо, но от Светы не укрылось ни одно слово.

– Да, Мария, следите за мной тщательно.

Девушка вежливо посмеялась.

– Идёмте, как вас зовут?

– Калинина Светлана, – по взрослому, сухо, ответила она, и для значительности добавила: – Александровна.

Мария, хоть и щуплая на вид, играючи открыла створки массивной двери, ведущей в зал. Дверь распахнулась, словно врата. Правда, в Небеса или в Преисподнюю, только предстояло

выяснить. От таких помещений ожидаешь или восторга, или разочарования. Делая первый шаг в это новое для себя пространство, Света прищурилась. Нет, это не было ни тем, ни другим. Обычный актовъ зал. Просторный, хорошо освещённый высокими окнами, современный и очень чистый. От пяти до восьми девушек, не старше Марии, увлечённо протирали стулья, мыли сцену и пол.

«Дисциплина как на подводной лодке», – подумала Света.

– Садись на первый ряд, никуда не трогай, ничего не уходи. Юля, присмотри за ней! – скороговоркой распорядилась Мария и полетела в сторону выхода.

«Почему за мной постоянно должен кто-то присматривать?»

Света ждала минут десять, прежде чем поймала себя на том, что сидит в идеально правильной ученической позе: руки на коленях, ладонями вниз, ноги вместе, спина ровно. Стало настолько противно, стыдно и смешно, что Света немедленно пересела на второй ряд и приняла более свободную позу. Юля, в это время, счастливая тем, что можно не убираться – у неё другое задание – сидела рядом, уткнувшись в телефон.

Уборка закончилась. Девушки построились в один ряд. Евгений проверил, насколько хорошо вымыт пол и протёрты стулья. Раздал девушкам конверты.

– Спасибо за работу!

– Спасибо вам! – ответили они хором.

Через секунду, шесть вытянутых по струнке красавиц, на глазах, превратились из преданных делу сказочных служанок в обычных современных девчонок. Размотали узлы чепчиков и сняли головные уборы словно колпаки позора. Света понаблюдала, кто что будет делать с конвертами. Одна спрятала его в передний карман платья, другая достала деньги и пересчитала. В руках у девушки ненадолго сверкнул целый веер из тысячных купюр.

«Интересно, это за смену или за месяц?»

Пока Света ждала, произошло ещё одно событие – в зал робко заглянула старушка.

– Надежда Семёновна, – тут же подлетел Евгений и взял её под локоть. – Вам не сюда. Зал каталогов – направо.

– А тут что?

– Тут уже закончилось. Вам туда, все сейчас там.

– А каталоги где? Мне бы каталоги.

– Там, там! Идёмте, я провожу.

Больно было смотреть, как разводят невинную пенсионерку. Света не единожды наткалась в Интернете на посты о мошеннической секте «Кристалл», пафосно зовущей себя центром духовного просветления. Простой кусочек янтаря, или даже подделки под янтарь, здесь продавали по цене автомобиля. Света решила: кто бы сейчас ни вошёл, она выскажется прямо. Пусть это будет сам директор, она выльет на него ушат словесных помоев.

Дверь открылась резко. Юная посетительница вздрогнула и позабыла приготовленную речь. По стенам и потолку разнёсся громкий ритм каблуков. Стройная красивая женщина с длинными вьющимися волосами цвета мокко, одетая в яркое красное платье, прошествовала до сцены и, не восходя, развернулась, приняв повелительную позу. Глядя на неё, захотелось поприветствовать её стоя. Света поборолa это желание.

– Здрасьте.

– Нон-фикс? – голос женщины прозвучал так, будто она стояла на сцене и вещала в микрофон: вроде бы негромко, но слышно было на весь зал. Объяснялось это, наверняка, хорошей акустикой, и всё же Свету не покидало чувство, будто женщина способна шёпотом утихомирить толпу.

– Она сказала при всех, – отметила Мария, что плелась за женщиной незаметным хвостиком. – Думаю, нужен инци...

– Зачем ты пришла? – она даже не посмотрела на Марию. Последняя поняла, что она тут лишняя и поспешила удалиться, с невидимым поклоном.

Света рассмотрела лицо женщины. Если возраст и можно было выразить цифрами, то это было нечто среднее между двадцатью и пятьюдесятью, но никак не тридцать пять. Глаза были подведены тёмной тушью. Но особенно поражала непробиваемая аура.

Надо было что-то отвечать. Было бы неловко молчать дольше трёх секунд, однако Света уже переступила черту неловкости. Она молчала четыре секунды, пять, шесть...

«Да сколько можно? Говори!» – заклинала она себя, но язык предательски окаменел.

– Ты нам не подойдёшь, – она щёлкнула пальцами и не сочла нужным задерживаться хоть на секунду.

Света понимала – если сейчас за той женщиной закроется дверь, она больше никогда не найдёт отца, не узнает правды о «Курске», вернётся в прежнюю серую жизнь, и не будет больше ничего. Мозг обработал десятки возможных ответов и остановился на одном. Самом простом и чистом.

– Ответы!

Звонкий голос двенадцатилетней девочки остановил женщину у двери. Заставил развернуться.

– Подойдёшь к Симагиной.

Врата, будто сами собой, распахнулись за спиной женщины. Света не заметила, как женщина исчезла в коридоре, хотя и глядела на неё во все глаза. Как это произошло, Света ни за что не смогла бы объяснить, и пожалела, что не сняла это на камеру. Вот женщина была, а вот от неё осталось одно воспоминание. А может, она и была воспоминанием?

«Симагина. Кто такая Симагина?» – вот что теперь волновало её больше жизни.

Из соседнего зала раздавался шум голосов. Люди, недавно заполнявшие коридор, теперь кучковались там, бродя между столами как между лавками на рынке.

– Симагина! – Света прошла на середину. – Где Симагина?

– Не Симагина, а сестра Надежда, – поправила женщина в очках. – Вот она.

Полноватую крашеную блондинку в голубом трудно было не заметить – её платье сверкало на фоне остальных.

«Это и есть Симагина?»

По сравнению с той женщиной в красном, она смотрелась бы клушей, но и в ней была доля авторитета.

– Вам лунный агат не подойдёт – у вас энергетика солнечная. А вам бы я посоветовала что-нибудь африканское. Вот этот камень – конголезский малахит – заряжался шаманами народа батекке. У него дикая энергия, как раз то, что вам нужно.

– Сестра Надежда, – обратилась Света, подойдя поближе.

Та сделала вид, будто Светы не существует, но взглядом дала понять: «Я тебя знаю. Я с тобой поговорю. Но не сейчас».

– Простите, а что это за камень? – она указала на самый дорогой экземпляр – Небесный лотос.

– Боюсь, деточка, тебе такой не по зубам.

– А как насчёт камня «Мемфис»?

– Мемфис? – Надежда уставилась на Свету недоумённо, однако через секунду поняла, о чём идёт речь. – Он у меня в кладовой. Пойдём, покажу. Дорогие мои, сами, сами, сами! Я на пятнадцать минут, – она засекала время.

В кабинете, Симагина предложила Свете стул, но та выбрала кресло.

– Александр Калинин. Жив или нет?

– Подожди, деточка, – выдохнула Симагина, не успев присесть. – Давай сначала выясним, кто тебе угрожает? – сказано было с неподдельным волнением. – К тебе вчера Костя и Маша приходили?

– Да.

– А кто их отправил? Твоя покорная слуга. Не благодари. А теперь скажи мне, капитанская дочка, что ты видела?

– В смысле, когда прыгала с балкона?

– Я бы даже уточнила. Когда тебя хотели прыгнуть.

Она ненадолго задумалась.

– Море. Подлодку.

– Там был человек? Он тебя звал?

– Да, – светин голос дрогнул.

– Вот! Узнаю этот почерк. Тебя хочет закрыть «Южный Крест».

– Южный... что?

Света шла домой, когда на улицах горели фонари. Небо стало иссиня-чёрным. Далеко на горизонте изредка сверкали молнии. Гром почти не слышался – до уха докатывалось только его утробное рычание. Создавалось чувство, будто в небесах дремлет исполинский, размером с гору, пёс. Ему, наверное, снятся враги, от этого он и рычит, но пока он дремлет, он не может укунить. Этот пёс не был ни злым, ни добрым – он просто был. И от этого становилось ещё более жутко.

Почти всё, что рассказала Симагина, отпечаталось намертво в памяти Светы. Новая информация переворачивала картину мира. За все школьные годы Света не узнала столько, сколько за последние несколько часов.

«Южный Крест».

Некоторая часть информации вызывала чувство дежавю.

«Полярная Звезда».

Глядя на небо, она пыталась увидеть хоть одну звезду. Небо заволокли тучи.

«Козерог».

Стоило поспешить.

«Водолей».

Мама заждалась.

«Рыбы».

Это был небезопасный район.

«Овен».

Света понимала, что на кону стоит её жизнь.

«Телец».

От неё хотели избавиться.

«Близнецы».

С самого рождения, все, кто её окружали, да и она сама, пребывали в королевстве кривых зеркал.

«Рак».

Немногие были способны открыть глаза на правду.

«Лев».

Таких было примерно десять процентов. Из этих десяти процентов около одного осознавали то, что знают.

«Дева».

Остальные держали тайные знания в глубинах бессознательного. В клетке.

«Весы».

Один из тысячи осознающих вставал перед выбором: или он будет закрыт, или будет молчать, мотивированный деньгами, идейными соображениями или страхом смерти, или – третий, самый надёжный и перспективный вариант – поступит на службу.

«Скорпион».

Света пока не определилась, по какой дорожке пойдёт она. Предстоял поистине сказочный выбор: «Налево пойдёшь, смерть свою найдёшь».

«Змееносец».

Хранить осознаваемую тайну было всё равно, что носить камень на сердце. Быть одноглазым среди слепых. Врагу не пожелаешь такой судьбы.

«Стрелец».

Симагина предложила «единственно верный» путь. Служба! Она дала Свете двадцать четыре часа на раздумья.

«Два организации стоят на вершине иерархии: „Полярная Звезда“ и „Южный Крест“. Также есть тринадцать конференций. Они занимают промежуточное место в иерархии. Уверена, ты знаешь их названия. Скажи, Света, ты увлекаешься гороскопами?»

«Нет. Мама увлекается».

«Догадываешься, как называются конференции?»

«Да, но... какая тринадцатая?»

«Змееносец. Неужели не слышала об этом созвездии?»

«Не приходилось».

«В каком ты классе? В седьмом? Вы уже проходили историю США?»

«Пока нет, но в этом году будет».

«Вам расскажут, что изначально было тринадцать штатов. Это правда. Но почему тринадцать? Никогда не задумывалась, почему на американском флаге тринадцать полос? И почему орёл на гербе держит оливковую ветвь именно с тринадцатью листьями и тринадцатью оливками, а в другой лапе – именно тринадцать стрел?»

«По числу штатов», – пожала плечами Света.

«Не только. Всегда ищи первопричину. Соединённые Штаты были построены под таким пристальным, чуть не микроскопическим, контролем конференций, что последние оставили в государственной символике и даже в истории уйму следов. Но тринадцать – только одно из символических чисел. Есть ещё число семь. Число три. Число восемьдесят восемь. Три шестёрки. А есть и такие числа, символизма которых не знают простые смертные. Например, тридцать семь или пятьсот двадцать шесть».

«Вы можете доказать то, что говорите?»

«Не веришь мне? Твоё право. Но вспомни, как ты чуть не прыгнула с восьмого этажа».

По пути домой, диалог, заевшей пластинкой, повторялся у Светы в голове. Мысли гудели настолько громко, что заглушали не только звуки, но и видимость окружающего мира. Так, Света не заметила, как забрела в незнакомый район.

«Иерархия управляет нашим миром, но не ради собственной выгоды. Она настолько могущественна, что её не прельщают материальные блага и власть ради власти. Цель иерархии – служение Доктрине».

Она осмотрелась. Темно. Никаких фонарей. Только окна домов. Где-то разбилась бутылка. Донеслась пьяная ругань. В другой стороне, хохотали гопники. Стоило убраться поскорее. Света решила идти назад, хотя бы туда, где она ещё помнила дорогу. В темноте оступилась о бордюр и чуть не упала. За домами уже сияли фонари. Наконец-то, знакомая улица!

«Каждый человек на планете – потенциальное божество. Я не преувеличиваю и не говорю метафорами. И я, и ты, и твой сосед, и даже последний дворовый алкаш – любой, при желании, может развить такие способности, о которых не мечтают боги».

По ночным улицам обожали гонять безумцы. Мимо, на бешеной скорости, громко сигналя, промчалась машина, как раз в тот момент, когда Света хотела перейти дорогу. Её гудок сначала поднялся, а потом, по удалении, снизил тон. Света помнила, отчего это происходит, благодаря научно-популярным телепередачам – эффект Доплера. Иногда она успокаивала себя, рассматривая то, что её пугало, с точки зрения науки. Но как быть со знаниями, которыми она теперь обладала? Поддаются ли они научному объяснению?

«Представь себе, что в один день всем выдали водительские права. Во что превратятся дороги? В мясорубку. В хаос! Не думай, что Доктрина хочет всех поработить, обрезать крылья... нет. Она действует со времён, когда люди жили в пещерах. Сначала были шаманы, потом жрецы, потом священники. До начала двадцатого века Доктрина действовала через религию, но потом стала светской организацией. Мы хотим не тотальной власти. Мы хотим порядка. Чтобы сильный не убил слабого, а слабый не предал сильного. Это и есть Доктрина. Мы – порядок. Без нас – хаос».

Идти оставалось недалеко – по улице Комсомольской, мимо парка Воинской Славы, пройти остановку, ещё несколько шагов, направо и вот он, родной дом. Света любила Старый Оскол, особенно центр, за его невысокие светлые дома, широкие прямые улицы, на которых не заблудишься, за людей, которые всегда были рады помочь.

И всё же, было чувство, что она не дойдёт. Останется пара шагов, но она не коснётся родного порога, не увидит маму. Потому что знает то, за что могут закрыть. И не как «закрывают» бандитов, а навсегда.

Света дышала глубоко и ровно. Каждый встречный мужчина казался ей маньяком. Невольно вспоминались истории Георгины.

«Знала бы ты, что я теперь испытываю».

Она жалела, что не была такой смелой, как новосибирская подруга. Та могла бы скрутить любого извращенца в бараний рог. Но как бы Георгина справилась с агентом «Полярной Звезды» или «Южного Креста»?

Тени шатались по подворотням. Зомби бродили во тьме.

«Это всё в твоей голове, в твоей голове!» – убеждала себя Света. Для уверенности, она представила себе, что справа и слева её сопровождают мотоциклы охраны. Здоровые крепкие, и обязательно красивые, парни в тёмных очках и кожаных куртках. Фонари их мотоциклов освещали тротуар. Свете казалось, она видит дорогу даже лучше, чем солнечным днём. Это было круто. Нереально круто! Почувствовав бодрость, она пошла увереннее. Позволила себе приподнять голову. Не упуская того, что под ногами, она глядела прямо перед собой.

У парка Воинской Славы она задержалась. Подумала о воинах, которые защищали Родину в сороковые годы. Вспомнила, что Георгина писала о своём дне рождения – девятого мая. Думали, что родится мальчик, хотели назвать Георгием.

«Я тоже буду воином. Как ты».

Настоящий воин не боялся ни врагов, ни зомби, ни другой нечисти.

«Почему пятиконечная звезда считается символом безопасности и защиты? Почему её можно увидеть на флагах и погонах? – спросила Симагина и тут же ответила: – Это главный символ «Полярной Звезды».

«Что означают лучи?»

«Кто-то понимает их как пять рубежей обороны Человека от тёмных сил – тело, душа, сердце, разум и память. Но есть и более прозаичное толкование – территория в форме пятиконечной звезды более всего удобна для круговой обороны. Кто-то считает, что это связано с нашими сакральными числами пять, два и шесть. Единого толкования нет».

Света задавала ещё много вопросов, и умных, и глупых.

«А вампиры есть?»

«Были когда-то существа, пьющие кровь, но не вампиры в понимании масс-культуры. Это позже Брэм Стокер облагородил образ вампира. А тогда это был вирус. К счастью, удалось его устранить».

«А оборотни?»

«Так же, как и с вампирами».

«А... зомби?»

«Ты имеешь в виду ходячие трупы? Труп не может двигаться, если им не управляют извне. Но теоретически это возможно. На практике, тлеющие куски мяса бесполезны. Куда эффективнее вирус. Искусственно созданный. Меняющий саму структуру человеческого тела. Да, такое было, и не раз. Доктрина обороняет наш мир и от таких вирусов, в том числе».

Вот и родной подъезд. Можно было перевести дыхание. Бояться было нечего, кроме маминого гнева. Недалеко от подъезда, она заметила мотоцикл. Костя заглушил мотор и выключил фары. Снял очки.

– Ты что, всё время ехал за мной?

Костя кивнул. Шутливо отдал честь. Снова повернул ключ. Мотор заревел, и Костя ловко развернулся, подняв залежавшуюся дворовую пыль, и скрылся между домами.

Дома встретила Маша. Стоило Свете переступить порог, Маша приставила к губам палец и прошептала:

– Мама спит. Всё хорошо. Если хочешь есть, ужин на плите.

– Вы теперь будете у нас жить?

– Нам поручили приглядывать за тобой. Так что, какое-то время.

– Представляешь, я воображала мотоцикл, а потом увидела Костю. На мотоцикле. Вот совпадение!

– Не совпадение.

Трудно было объяснить новое чувство, поселившееся в груди. Света прислушалась к этому чувству по пути на кухню. Наверное, это было счастье. Начало нового. Неизведанного. Объёмного. Пугающего. Несмотря на опасность и ужас, на дрожь и холодок по спине, это было счастье.

«Завтра я поступаю на службу в конференцию».

Но это будет завтра. А сегодня она поужинает любимой кашей, которую приготовила мама. Сидя за столом, в ожидании, пока разогреется каша, Света написала пальцем на столе четыре невидимых буквы.

Глава 4

«Овен».

Она родилась в именины Светланы – второго апреля. Мама была тогда очень религиозна, и верила, что девочку, рождённую в день святой мученицы Фотины, грех было бы назвать по-другому. Александр в Бога не верил, но был не против. Имя ему понравилось.

День, когда она родилась, определил не только дату, в которую девочку, отныне и впредь, поздравляли с очередным витком Земли вокруг Солнца в её жизни, но и то, в какую конференцию попала Света через двенадцать лет. Конференция «Овен» работала по всем роддомам. Наибольшая активность этой организации выпадала на конец марта и первую половину апреля. Период отчётности. Сроки этого периода не были привязаны ни к астрологическим, ни к астрономическим периодам одноимённых созвездий. Иногда начало и конец периода могли быть перенесены. Жизнь агентов была непредсказуема. Если бы Света родилась, например, в девяносто пятом, за ней наблюдала бы конференция «Рыбы». Но поскольку в год её рождения никаких особых инцидентов, требующих переноса сроков отчётности, не произошло, Света попала именно в конференцию «Овен».

Конечно, конференции не работали по четыре недели в году. Постоянно, круглосуточно, пятнадцать организаций наблюдателей Доктрины охраняли общественный баланс и контролировали тайные знания. Но, как и любая другая организация, ни одна конференция не была лишена обычных человеческих пороков, таких как лень и стремление всё успеть в последний момент. Потому и получалось то, что, примерно четверть Овнов по зодиаку также были «овнами» по регистрации. Свете повезло, а может и не повезло, попасть в эту четверть.

В судьбе большинства людей регистрация в той или иной конференции ничего не меняла – они даже не знали, кто за ними следит. Наблюдатели не вмешивались в их жизни, только изредка меняли воспоминания. Однако для нефиксируемых, таких как дочь Александра Калинина, конференция могла решить, куда будет чаще ходить объект, чем он будет увлекаться и даже каким сложится его характер.

Об Овнах говорят как о людях огненных, амбициозных и сильных. Такие могут вести за собой народы. Бывают эпохи, когда люди этого склада нужны. Конференция ведёт их по жизни, уберегает от опасности, направляет, иногда зримо, а иногда и в тайне. При необходимости, Свету могли бы вырастить «железной леди», но сочетание характера Овна с дефектом фиксируемости могло бы дать миру не просто лидера в лице госпожи Калининой, а настоящего тирана, вооружённого тайными знаниями.

До самого утра, Света не могла уснуть. Ворочалась, сбрасывала и возвращала на место подушку. Вставала, чтобы открыть форточку, ложилась и вставала опять, чтобы закрыть. Мысли накатывали штормовыми волнами. Дождь за окном усиливал ощущение шторма. Снова и снова крутились одни и те же обрывки странного диалога. Лишь на восходе, когда комнату наполнило солнце, Света нашла удобную позу калачиком и уснула на краю, скинув одеяло на пол. Один час и десять минут удалось ей проспать. А потом зазвенел будильник.

Было тяжело поверить, но ей по-прежнему было двенадцать и она всё ещё ходила в школу. Только теперь она ходила не одна. Неподальку, в тени, постоянно был один из агентов «Овна» – или Костя, или Маша, или кто-то ещё. Первые несколько дней, становилось не по себе от мысли, что за ней следят. Но с другой стороны, так или иначе, следили за всеми. Агенты не стояли у каждого за спиной, не прослушивали телефоны, но знали, кто где находится и чем занимается. Как они это делали пока оставалось загадкой. Непосвящённые в Доктрину жили с этим легко, точно под наркозом. Свете же убрали этот наркоз.

Первые три урока дежурила Маша. Затем пост принимал Костя. После Кости – мужчина лет тридцати, которого Света не знала. Он провожал её до дома.

Было утро. То ли четверг, то ли пятница – Света потеряла дням счёт. Она остановилась на школьном дворе, поглядела в небо, с которого недавно лил дождь. Резко обернулась.

– Маша, ты здесь? – это выглядело как если бы слепая говорила со зрячей.

– Да, – Маша отключила тень восприятия. Теперь Света могла посмотреть ей в глаза.

– Перестань ходить за мной! Если бы мне грозила опасность...

– Тихо, – она коснулась мочки уха, глядя на школу. – Он здесь.

– Кто?!

– Чантар, – она исчезла.

– Стой! Ты ничего не объяс... да ну тебя!

Света ударила воздух. К несчастью, это заметили «подружки». Они уже пустили слухи о Калининой, что она пьёт из лужи, что разговаривает с предметами, боится своей тени... Но теперь к этим слухам добавится ещё один – Калинина дерётся с воздухом. И этот слух, в отличие от прошлых, не был выдуман.

– Чего уставились?!

– Она же сектантка, – шепнула Насте Юля.

– Эй, сектантка! – крикнула Настя. Похоже, она забыла, что недавно ходила извиняться. – Что, сегодня опять в секту пойдёшь?

– Бежим скорее, а то проклянет, – хихикнула третья, и девочки, с криками «ведьма!», сорвались с места.

«Бегите. Пока я вас не достала».

В чём-то девочки были правы. Каждый день, после домашки, к четырём пополудни, Света приходила в «Кристалл». Четыре часа она носила чепчик и голубое платье, убирала и чистила залы, раскладывала камни по столам, приветствовала и провожала посетителей. Симагина требовала открытости, наивного детского взгляда. Именно за него – кристальный, полный небесной духовности, взгляд, фирма готова была платить Свете по тридцать тысяч рублей в неделю, при работе на полставки. Симагина говорила, что у Светы он получается лучше, чем у остальных вместе взятых.

– Я всех вас уволю! Оставлю её одну, – отчитывала она девушек. Те стояли потупившись, в один ряд. – Так и будет, если не будете учиться у неё!

Такие моменты Света жутко не любила, но Симагину было не переубедить.

Когда Света, раз в неделю, приносила домой конверт, мама готова была расплакаться. Света не скрывала, где работает. Если первые три недели она стеснялась, то на четвёртую Симагина объяснила внятно:

– Не ты должна стесняться. А они! Те, кто шесть грамм янтаря покупают по цене джипа.

Деньги обжигали. Пользоваться ими Света боялась, и брала себе только тысячу. Остальные отдавала маме. Та открыла в банке счёт на будущее образование. Так проходила неделя за неделей. Счёт постепенно рос, и хозяйка денег перестала считать, какая там сумма.

Однажды она спросила Надежду Петровну:

– Зачем вы это делаете? Обманываете людей.

– Девочка моя, – усмехнулась та. – Люди хотят быть обманутыми. Им хочется богатства, славы, любви, счастья, успеха, и всё на халяву. Они и пальца о палец не ударят ради других. А вот ради себя они готовы платить огромные деньги. Эти люди заслуживают того, чтобы их разводили.

– Вы могли бы и честно зарабатывать.

– Думаешь, ты первая, кто мне это говорит? Могли бы! И зарабатываем. Знаешь, сколько у нас компаний? В одном только Старом Осколе штук двадцать. Все они легальны. Одна из них – центр помощи бездомным животным. Это моё личное. Собачек люблю. Они лучше некоторых людей. А ты не переживай. Всё у нас легально и справедливо.

– Вы умеете читать мысли. Проникать в чужие дома. Оставаться незаметными у всех на виду. И, при этом, зарабатываете как обычные люди. Вам не приходило в голову ограбить бандитов? Каких-нибудь мафиози, у которых денег от наркотиков целые мешки?

– Наркомафией пусть ФСБ занимается. И другие ответственные органы. А у нас другая миссия – мы Доктрине служим, – она сменила тон. – Всё, что я тебе рассказала. Тогда. Помнишь? Это правда. Не думай, что я и тебя развожу. То, что я им говорю на сеансах – одно. То, что я поведала тебе – ты должна это понимать – совсем другое. Тайные знания скрываются не в подвалах и не в старых книгах – они ополовиниваются, смешиваются с ложью и выставляются напоказ. Почему все знают об Энергии, но не все – из чего она состоит и где её брать? Почему знают о медитации, но не знают, как настраивать энергопотоки? Да потому что одно – чека от гранаты, а другое – сама граната. И не знаешь, где рванёт. А мы эти гранаты находим и обезвреживаем. Поняла?

– Ладно, обезвреживайте вы свои гранаты, но невинных-то зачем обирать?

– Ой, кто кого обирает?! Сами несут! На блюдечке с голубой каёмочкой, как Остап Бендер говорил. Ну, верят они, что в камушках сила. Вот и пускай верят. А мы им поможем.

По крайней мере, один человек не разделял позицию Симагиной в корне. Его звали Володя. Света познакомилась с ним уже в первые дни работы в «Кристалле». После каждого сеанса, Володя подвозил мать – Лидию Петровну – домой. Почти каждый раз его визиты заканчивались скандалами и ссорами. Володя ненавидел секту, и только со Светой мог общаться, не повышая голоса.

Было начало декабря. Зима только начала покрывать город холодным воздушным одеялом и сыпать на землю первые редкие снежинки. Счастливые, краснощёкие, нарядные сектанты выходили на мороз. Володя курил на крыльце, выдыхая по ветру и стараясь подальше смахивать пепел. Света стояла рядом и грела руки под варежками.

– Це-ре-мония, – произнёс по слогам Володя и сматерился. – Знаешь, как она проходит?

– Нет. Меня не пускают.

– Хэх! И не надо. Не на что там глядеть. Один детский сад! Становятся они по кругу, возносят руки к потолку и начинают, типа, пропускать через себя Энергию. А Симагина – в центре круга. Она, значит, должна уловить, от кого идёт более мощный поток, – Володя усмехнулся. – Думаешь, там есть какая-то объективность? Не! Кто больше бабок заплатил – купил более дорогой камушек или больше камушков – от того и не несёт этой энергией сильнее, чем от остальных. Вот и вся математика.

– А ты ей больше не плати, – Света сняла варежки, подняла голову и попыталась поймать голыми руками снежинку.

– Чего? – Володя даже не заметил, как пепел упал ему на ботинок. – Да ты знаешь, какой скандал будет? Она с отцом разойдётся, а он двадцать лет на вахте – ему другую не найти.

– И как это связано? – хохотнула Света.

– Ты не понимаешь. Ты его не видела. Жирный огромный пятидесятилетний мужик. Кому он нужен? Да у него сердце разобьётся!

– Всё возможно.

– Не знаю, не знаю.

Володя бросил окурочек, но промахнулся мимо урны. Собрался подойти поднять, но Света его остановила.

– Подожди.

Она вытянула руку. Несколько движений пальцами. Первые секунд пятьдесят окурочек не шевелился, затем едва заметно задёргался, оторвался от земли, поднялся в воздух и плавно опустился в урну.

Володя застыл с открытым ртом.

– Как это? К-как это вообще?

– Я и говорю – всё возможно.

Двадцать девятое декабря Света любила больше, чем собственный день рождения. Это был день, когда весь мир обновлялся, наполняясь тихим торжеством, когда ещё не было предновогодней суеты. Можно было пройтись по улице, украшенной гирляндами и весёлыми цветными шариками. Рано утром погулять по заснеженному парку, в котором почти нет людей. Полюбоваться на укутанные снегом сосны. В этот день, Света воображала, будто в небе открывается портал, и белые лучи зимнего солнца приходят в этот день из будущего первого января – чистого и нового.

В кои то веки, Света гуляла одна в безлюдном парке. Не было рядом ни Маши, ни Кости. Не было ни Андрея, ни Дмитрия – ещё двоих агентов. «Овен» за ней не следил в эти редкие минуты, а значит можно было хоть на миг ощутить себя маленькой девочкой. Она прошлась по снежному ковру, белому как лист бумаги. Сняла варежки и потёрла друг о друга ладони. Достала висевший на шее камушек. Обычный, серый, непримечательный камень с дыркой. Куриный бог. Такие камушки сотнями валяются на пляжах. Никогда бы Света не подумала, что именно такой камень окажется на порядки сильнее, чем все те яркие пустышки, которые продавала Симагина. Это был самый драгоценный подарок от Надежды Петровны, какой только можно было вообразить. Света оглянулась и спрятала камень поближе к сердцу. Хотя, как её предупреждали, близко к сердцу его лучше не держать.

Света размяла кисти. Расставила руки в стороны. Началась игра. Несколько потоков Энергии прошло через её макушку до пят.

«Рано. Рано. Ждать. Это слабая Энергия, пропускаем».

Затем пошли тёплые, более «весомые» потоки. Их можно было направить на ладони и пальцы. Важно было точно проводить Энергию по каналам и кровеносным сосудам, ни в коем случае не по костям и не по мышцам – это бессельная трата сил.

«Вот она!»

Света ощутила Энергию на концах пальцев. Мысленно провела несколько щупальцев на пару шагов от себя. Ещё немного дальше. И ещё. Вот уже невидимые щупальца вытянулись на её рост. Никогда ещё Света не дотягивалась так далеко. И вот она превысила собственный предел.

В воздухе зависло несколько снежинок. Света отклонила их в сторону и отпустила.

«Падайте к своим».

Ещё несколько она пустила вбок, заставила вращаться вокруг себя. Подхватила ещё. Для её уровня, это было очень круто. Заставила снежинки описать дугу. Завиток, маленький круг, большой круг, восьмёрку. В пальцах и кистях чувствовалось лёгкое покалывание. Света знала, что это не от мороза. Это был тревожный признак, что уже хватит. Но останавливаться не хотелось. Она рисовала ещё и ещё.

Только точечная головная боль в районе виска дала Свете понять однозначно: игры кончились. Настала пора возвращаться, ведь Маша и Костя, наверное, уже искали. Она поспешила в магазин, откуда сбежала минут восемь назад.

Агенты стояли в алкогольном отделе, Маша – с бутылкой вина, Костя – с корзинкой. Они так оживлённо спорили, надо ли брать алкоголь, что не заметили пропажу подопечной.

– Да ничего не будет, Костя! Враньё это всё, и не доказано, что алкоголь нельзя.

– Доказано, – скрестив руки на груди, отвечал тот.

– Где? В каком трактате? – она огляделась. – А где Света?

– Вот она я, – подопечная вовремя показались из-за прилавка. – Вы так долго ругались, что я решила прогуляться.

– Мы не ругались, – пожал плечами Костя. – Просто алкоголь негативно сказывается на энергопроводимости. Каналы забиваются.

– Ой, не звезды! – она сунула бутылку в корзину.

– Сама и будешь пить. А я посмотрю на твои каналы.

– Кость, ты что, трезвенник? – усмехнулась Света.

– Да, я трезвенник. Да! А что? Трактаты разнятся, но я предпочитаю не рисковать, – он поставил бутылку на прилавок, но Маша всё равно её схватила и взяла подмышку.

Это был первый Светин Новый год, который она собиралась отмечать вне дома. Обычно, она сидела с мамой за столом, иногда приглашала подружек с ночёвкой. Теперь же Света чувствовала, как жизнь её стремительно меняется, а значит и праздник надо отмечать по-особенному.

Агенты «Овна», как и все остальные агенты Доктрины, никогда не отмечали праздники одновременно со всем миром. Всегда выбирали дату на два-три дня раньше или позже. В этом они были похожи на врачей, спасателей, пожарных, полицейских и других, на чью долю выпадали дежурства, когда остальные пьют и веселятся. Отметить решили в здании «Кристалла», в маленькой подсобной комнате с диваном, телевизором и столом. Свете казалось, агенты всё делают по-другому, не как обычные смертные – по-другому любят, по-другому общаются, отдыхают. Заходя в комнату, она чувствовала, что пересекает порог неизвестной жизни. Даже немного боялась. Но, как выяснилось, отдыхать ни Маша, ни Костя не умели. Маша об этом сказала прямо, сидя на стуле, напротив дивана, с бутылкой вина. Весь вечер агенты говорили почти об одном и том же – о работе. Свете нечего было добавить – она не понимала и четверти слов их «птичьего языка». Телевизор, как и в обычной компании интровертов, заполнял паузы.

– Я так и не нашла чантара, – обратилась Маша к заскучавшей Свете. – Но, обещаю тебе, я найду и поквитаюсь с ним.

– Да кого ты найдёшь! – махнул рукой Костя. – Ты – бахм. Смирись с этим. Чантары сильнее бахмов.

– А кто такие бахмы?

– Это, как тебе объяснить, – Костя вздохнул. – Это первый уровень освоения Энергии. Бахмы умеют читать и передавать мысли, а также чувствовать на расстоянии.

– Реально?!

Оба хохотнули и переглянулись.

– Это не так просто, – продолжил Костя. – Многие новички думают, что мысли читать – это как бумажку взял и прочитал, что там написано шрифтом Times New Roman.

– А на самом деле, – продолжила Маша, – это как врачебный почерк, да её в трясущемся вагоне, спяну, левой ногой!

– Да прибавь к этому, что из текста выброшены все гласные.

– Во! – щёлкнула пальцами Маша. – Именно такое чувство. Вот, у меня всегда так! Нажуют, а ты эту кашу разбирай.

– И не забывай про скорость. Мысль идёт со скоростью поезда, в то время как речь – ну, максимум, как на ослике едешь.

– Не все думают со скоростью речи, – Маша налила себе ещё вина и отхлебнула. – А заглушить свои мысли очень просто. Пара часов практики, и всё. Нас этому на первом курсе учат.

– А чантары – это кто?

Маша и Костя посерьёзнили.

– Это крутые ребята! – сказала Маша. – С ними лучше не сталкиваться на узкой дорожке. Это мастера иллюзий. Они могут заставить тебя думать, что идёшь направо, когда на самом деле идёшь налево. Или думаешь, что делаешь одно, а делаешь другое.

– «Чантар» пишется через «а». Ударение на первый слог, – добавил Костя.

– Ботан! Вообще-то, ты говоришь про русский язык, а в оригинале слово «чантар» вообще пришло к нам из таросса.

– Погодите, оба, – перебила Света. – Расскажите про того чантара, что хотел меня... закрыть.

– Он бесследно исчез, и найти его нереально, – ответил Костя. – Тем более, нам, – он посмотрел на дно недопитого стакана сока. – Ладно! Что мы всё о печальном. Света, расскажи о себе.

– Ты вроде с Георгиной переписывалась! Ещё дружите?

– Да, – обрадовалась вопросу Света. – Дружим и общаемся! У нас тайный язык. Мы пишем друг другу письма и шифруем тайные послания.

Она рассказала про тайнопись и об интересной работе Георгины.

– Постой-ка, – нахмурилась Маша. – Она реально помогает милиции, изображая жертву? Ты серьёзно в это веришь?

– Да, а что?

– Костян, ты веришь? – она оставалась почти трезвой, хотя и допила бутылку. – Мне кажется, твоя Георгина малость преувеличивает.

– Но... она мне писала... и... думаете, она придумывает?

– Новосиб, конечно, крупный город, – рассуждал Костя, – но чтобы каждую ночь по маньяку...

– Короче, врушка твоя Георгина, – добила Маша.

У Светы лопнула струна терпения.

– Сама ты врушка! Георгина правду пишет! Она – моя лучшая подруга! – Света тяжело дышала, готовая расплакаться. Держалась как могла. Каждая секунда неловкого молчания давила на неё миллионами тонн воды: комната стала крошечным батискафом на глубине, где никогда не бывало солнце. Казалось, давление вот-вот раздавит батискаф как яичную скорлупу.

– Давайте успокоимся, – предложил Костя. Давление отпустило. Комната снова стала комнатой на суше. – Может, и не обманывает.

– Хочешь сказать, тамошние милиционеры – такие тупые, что не могут обойтись без маленькой девочки?

– Она не маленькая!

– Давайте не будем на эту тему. Милиция, маньяки... так башка трещит. У нас праздник. Новый год. Давайте лучше о нём, – Костя налил ещё сока себе и Свете. – Твоё здоровье.

Девочке захотелось придвинуться поближе, прижаться к Косте, положить ему голову на плечо. Всё это время она сидела на расстоянии локтя от него и не понимала, как её тянет. На секунду поддавшись велению сердца, она обняла Костину руку.

Внезапный шлепок по щеке привёл её в чувство.

– Костя мой.

И как Маша успела так быстро дотянуться?

За мгновение, Света отсела подальше. Неловко чувство поселилось в её душе и грозило не отпускать.

– Извини. Извини, Светик, я не хотела, правда. Ну, мы с Костей встречаемся, ты не могла знать.

– Не называй меня «Светик»!

– Ну-ка, что это у тебя? – Костя взял её руку. Потрогал подушечки пальцев. – Игралась Энергией? – только что милый и добрый красавчик, он превратился в строго ментора и даже лет на десять повзрослел. Он обратился к Маше: – пальцы сухие.

– Да ты что, – она пересела на диван.

Только теперь Света обратила внимание на подушечки своих пальцев. Те и вправду покрылись коркой, особенно большой и средний.

– Энергию нельзя расходовать на мелочи, особенно в твоём возрасте, – прочитала нотацию Маша. – Тебе зачем дали атрибут? Ради защиты. Чтобы ты могла хоть как-то противосто-

ять чантару. Конечно, твои силы ему как слону дробина, но хоть на секунду ты его удержишь, а мы будем рядом.

– То, что его нет поблизости, – продолжил Костя, – не значит, что он от тебя отстал. У «Южного Креста» одни планы на тебя, у «Полярной Звезды» – другие. Пока мы подчиняемся «Полярной Звезде», с тобой всё будет хорошо.

– Что значит «пока»?

Маша и Костя помолчали.

– Власть может поменяться в любой момент. Пришлют другого представителя, и всё. Тогда неизвестно, что он с тобой решит. А пока представитель Маргарита Евгеньевна, ты под защитой.

– Она – «полярница», – добавил Костя. – Была бы она «южница» – всё, кранты.

Света утёрла слезу и покивала.

Чтобы развеять негатив, Маша улыбнулась и потрепала Свету за волосы.

– Мир, сестра?

– Так и быть, – она протянула руку в ответ.

– Можно тебя попросить? Называй меня Мара. Так хочется, чтобы меня хоть кто-нибудь называл Мара! А не эта Маша. Я коровой себя чувствую. Маша-промокаша. Маша-растеряша.

– Нормальное у тебя имя.

– Помолчи. Ну, так что, сестрёнка?

– Хорошо. Но ты тоже меня как-нибудь называй.

– Светка? Светик? Светулик?

– Ой, нет, только не «Светулик».

– Может, Калина?

– Не-ет! Ни в коем случае. Меня так в школе дразнят.

– Тогда Клюква.

Тут она расцвела. Восторженно поглядела на Машу... нет, на Мару! Как она угадала? Нельзя было придумать лучше прозвища для любительницы группы «The Cranberries» – «Клюквы».

– Мара, ты моя родная! – Света бросилась в объятия.

Костя хмыкнул:

– Прозвище Мара надо заслужить. Сперва чантара поймай.

Мара, в ответ, показала язык. Обняла новую лучшую подругу.

– Никакой чантар нам не страшен, Клюква.

Он объявился только в феврале. Жертва не сидела на месте эти два месяца – готовилась, медитировала в «Кристалле» под руководством Симагиной, продолжала учиться и посещала секцию айкидо. Последнее посоветовал Костя, как хороший способ научиться контролировать Энергию, в дополнение к медитациям. Шестое чувство подсказывало – скоро она встретит убийцу. Кем окажется убийца – мужчиной или женщиной? Будет ли он молодым или старым? Если раньше Света боялась, то теперь её охватывало любопытство.

«Может, он не такой уж плохой человек, и его можно будет простить?»

Самым печальным было то, что Георгина перестала писать. Это могло означать только одно – невероятная подруга занята и распутывает очередное дело. Теперь она не просто ловила маньяков, а разоблачала особо талантливых извращенцев, которых ни один нормальный человек не заподозрил бы никогда. Жертвами таких любителей насилия могли бы не только дети, но и взрослые женщины, а иногда мальчики и мужчины. Георгина по-прежнему работала через социальные сети и даркнет, а под вечер выходила в поле. Жизнь Георгины состояла из опасности и приключений. Света же не видела ничего, кроме дома, школы, айкидо и секты «Кристалл». Иногда гуляла с подругами и каталась на коньках. Но разве это приключения?

«Хочу стать приманкой, – однажды, поздно вечером, за уроками, решила она. – Георгина стала. Не побоялась. Если... нет, она не врушка, точно. Такое придумать нельзя».

Пройдясь по комнате, Света поглядела на отражение в окне.

«По-другому чантара не поймать. Слишком хитёр. Надо попасть в его ловушку, поддаться иллюзии».

Света не заметила, как здесь очутилась. Казалось, она стояла посреди бескрайней метели вечность. Холод и белый цвет господствовали над этим простором. И всё же, впереди маячило серое пятно. Человек.

От человека исходила опасность, однако сейчас он не двигался, не угрожал. Света сделала шаг вперёд.

– Осторожно, – услышала она мужской голос, такой близкий, будто человек стоял прямо перед ней. – Лёд очень тонкий.

Она замерла. Лёд? Конечно, всё это ей грезилось, но что будет если утонуть в иллюзии? Если умереть во сне, проснёшься и будешь жить дальше. Отличается ли сон от иллюзии?

– Ты чантар? Это иллюзия?

– А на что это похоже?

– Если это иллюзия, почему я чувствую холод?

Пальцы Светы на руках и ногах начинали замерзать.

– Спасибо за комплимент, – его лица не было видно, однако Света ощутила улыбку. – Я стараюсь рисовать полные иллюзии. Со всеми деталями. В последнее время, хуже всего мне давался холод. Но ты его чувствуешь, а значит я преуспел.

Ком ненависти сжался у Светы в груди.

«Рано, Клюква, рано», – сказала она себе, понимая что, в этой метели, не властна даже над собой. Сосчитала до пяти.

– Ты хотела что-то у меня спросить? – голос мужчины был мягким, с хрипотцой. Не хотелось это признавать, но Свете он был даже приятен.

– Да, – она подошла поближе, но опять остановилась. По льду пошли трещины. – Это ты хотел меня убить?

– Я не хотел. Я только исполнял то, что мне приказали.

– Человек на подводной лодке – это мой папа? – сердце забилось чаще. Света не поняла, сказала она это вслух или подумала. Но в иллюзии это не имело значения.

– Да, – сказал человек, и это слово обдало её неощутимым порывом горячего ветра. По рукам пошла мелкая дрожь.

– Где ты его... ты его видел раньше?

– Видел.

– Почему ты отвечаешь одним словом? – ещё шаг. Света не поняла, почему спросила именно это. Сколько у неё вопросов в запасе? Он не говорил ничего про запас, не ограничивал её, но в этом иллюзорном мире действовали его правила.

– Доктрина, – человек развёл руками. Снежная пелена не скрыла этот жест.

– Ты из «Южного Креста», – Света мысленно похвалила себя: вот этот был правильный вопрос.

– Я сам по себе. Наёмник. Мне платят, я исполняю.

– Кто тебя нанял? – ещё один правильный вопрос.

– Я с ним лично не знаком. Он прислал представителя.

– Задание в силе? – она поражалась самой себе. Наверное, хорошо училась у Георгины.

– Его отменили. Расслабься! Тебе ничего не угрожает, кроме тебя самой.

– Ага! Этот ты так говоришь, чтобы меня запутать. Усыпить нашу бдительность.

– Можешь верить, а можешь – нет. Мне твоя смерть не нужна.

Света зажмурилась и задалась свой главный вопрос:

– Где мой папа?!

– В ином мире.

Человек поднял и резко опустил руку, и в ту же секунду Света провалилась под лёд.

Она замёрзла. По-настоящему. Колотило так, будто и вправду побывала в одной пижаме на ледяном озере, продуваемом всеми ветрами зимы. Не помогли ни горячий душ, ни ванна. Только чай, да и то, когда Света надела тёплый свитер. Но согрелась она только телом.

«В ином мире. Что значит в ином мире?»

Она успокоилась на мысли, что наёмный чантар мог не знать настоящую правду. Каждое слово, произнесённое этим человеком, Света запомнила как дважды два четыре. Но никто не говорил, что дважды два всегда неизбежно равняется четырём – были и другие системы счисления. Света делала всё, только бы прогнать из сознания мысль, которую внушали всем, будто Александр Калинин мёртв. И тут она едва не уронила чашку.

«А откуда знает Георгина?»

Могла ли ошибиться новосибирская подруга? Могла ли она соврать?

Она вспомнила, что сказал Костя:

«Если бы ты знала правду, ты бы не хотела его искать. Ты бы постаралась о нём забыть».

Следовало ли из этого, что он жив? Нет, не следовало. Опять головоломка не складывалась так, как хотелось Свете. Разум говорил одно, сердце – другое. Наверное, ответ был известен только «Южному Кресту».

– Ты говорила с ним?! – Маша, Костя и Света сидели в той же подсобке. Теперь это было их любимое место. – Что он сказал? Что ты видела?!

– погоди, – прервал Костя. – Дай-ка я лучше тебя прочитаю.

– Мне представлять себе то озеро?

– Представлять себе как раз ничего не надо. Постарайся очистить разум, не думай ни о чём. У нас, у агентов, есть упражнение. Ну, оно больше шутивное. Называется мохнатый серый валенок.

– Чего? – засмеялась Света.

– Представь себе большой мохнатый серый валенок, стоящий у печки. Закрой глаза.

Представила?

– Ага.

– Теперь убери печку. Остаётся только валенок, ничего вокруг.

– Валенок.

– Он ещё мохнатый и серый?

– Такой, каким ты его описал.

– Пусть он будет не мохнатый.

– А какой?

– Никакой. Просто серый валенок. То есть... уловила? Ты постепенно упрощаешь картину. Это как упражнение на развитие воображения, только наоборот. Чем примитивнее картинка, тем лучше.

– Серый валенок.

– Так! А теперь валенок убираем.

– Серый... что?

– Ничего. Серое нечто. А ещё лучше – серое ничто.

– Серый. Получается серое пятно.

– Нет! Никакого пятна. Просто серый.

– Просто серый.

– Без «просто».

– Серый.

– Так. Убираем серый.

– Остаётся...

– Молчать! – по-доброму скомандовал Костя. – Без «остаётся». Этот как «А и Б сидели на трубе». Только «и» тоже убираем.

– Я...

– «Я» убираем. Слова убираем. Образы убираем. Ничего нет.

– Блин, я так не могу. Валенки возвращается и возвращается.

– А ты сосредоточься на пустоте. Тренируйся больше. Чем лучше ты очистишь разум, тем яснее будет картина, тем проще мне будет тебя прочесть.

– Соберись, Клюква. Без тебя мы чантара не поймем.

– Собралась, – она устроилась поудобнее, сложила руки на колени. – Начинаю сначала. Мохнатый серый валенок... Серый валенок...

– Можно не вслух.

– А! Сорри.

Постепенно, Света обволокла сознание коконом из небытия. Поначалу было сложно. Миновало то ли двадцать минут, то ли два часа, то ли полдня, пока Света не разобралась. Это было как на медитации: не думать ни о чём, и даже это самое «ни о чём» выбросить из головы.

– Готово, – Костин голос вернул её в реальность. – Молодец. Даже не заснула.

– Ну, так практика, чего ты хочешь, – развела руками Света.

– Ты получил, что надо? – Маша оставалась серьёзной.

– Да. Я видел его раньше. Голос он, конечно, изменил, но не внешность, а это жирнящая запеца.

– Даже я ничего не разглядела, – поёжилась Света.

– А тебе и не надо было – разглядел твой мозг.

– Подумать только! – Маша грохнулась на диван, обняла и поцеловала обоих. – Полгода поисков! И за один день! А-а! Я так не могу, давайте отметим!

– Только не вином, как в прошлый раз. Я тебя снова домой тащить не буду.

– И не надо! Клюква дотащит. Да, Клюква? – вздохнула. – Шучу я.

Трое шагали по заснеженной поляне. Был день, суббота. Небо заволочла густая пелена облаков. Прогнозы не обещали сильного холода, но каждый взял с собой тёплые вещи. Света понимала: не просто так распорядился Костя набрать побольше консервов и спичек.

– Мы ищем то самое озеро? – Света не переставала задавать вопросы. Костя отвечал односложно или вовсе оставлял её в догадках.

– Нет, – он остановился, отдышался. Посмотрел вокруг. – Мы ищем место.

– Да какое место?!

– Нам немного осталось, – пообещала Мара. – Здесь вроде, да?

– А может, и не здесь. Погоди-ка, – он сбросил рюкзак и подбежал к сосне. – Скипидара, подь сюды!

– Я тебе сейчас в ухо дам! Что там? – она тоже бросила рюкзак.

– Эй, а мне что с этим делать?

Мара позвала Свету поближе. Показала на сосну. На коре был грубо вырезан символ, который Света много раз видела в передачах о теориях заговора. Точнее, это была его упрощенная версия. Настолько упрощенная, что символ едва угадывался в четырёх зарубках. Два скрещенных угла, напоминающих символ масонов – циркуль и наугольник. Здесь полагалась буква «G», однако ею оставивший послание решил пренебречь.

– Клюква? – Мара взяла Свету за плечи. Лицо у неё было красное. Агент «Овна» заметно волновалась. – Сейчас ты превращаешься в одно сплошное ухо, поняла? – та кивнула. – Умница. Это не иллюзия. Настоящий лес. Мы шли сюда полтора дня.

– Как пол...

– Помолчи. Уши не говорят. Мы не могли позволить тебе знать, где находится слабая зона. Не спрашивай, что это такое. Когда надо, узнаешь. Мы стёрли тебе память, чтобы ты не запомнила дорогу. Это железное требование «Полярной Звезды» – если ты не агент, дорога в слабую зону тебе заказана. Понятно? – кивок. – Хоть ты и нефиксируемая, надеемся...

– Давай ближе к делу, – попросил Костя.

– Сейчас произойдёт обмен. Не пугайся! Тебя мы никому не отдадим. «Южный Крест» тебя не получит. У нас под контролем каждый его шаг.

Света задышала чаще и глубже. Лёгкие наполнились морозным воздухом. Паника. Паника! Паника... животный инстинкт! Ей захотелось бежать. Куда-нибудь в лес, подальше, лишь бы во всём этом не участвовать. Хотелось бы, чтобы это был сон.

– Будь воином, слышишь?! Прояви мужество. Ты сама этого хотела.

– Да, но я не думала... что вот так быстро, – Света шмыгнула носом.

– Не бойся! Мы тебя спасём. Здесь все, – она показала пустую поляну. – Ты их не видишь, но здесь, – она перешла на шёпот, – здесь «Овен», «Козерог», «Водолей», «Стрелец» и «Весы». Эти конференции сейчас на нашей стороне.

– Сейчас?!

– Помнишь, я говорила о представителях? Не важно! Не думай об этом! Они за нас. Мы тебя вытащим. Клянусь, – Маша крепко обняла Свету. – Главное ничего не бойся и действуй точно по инструкции. Костик, давай.

– Ты не запомнишь инструкцию, но будешь ей следовать. Это называется скрипт. Я внушу тебе в бессознательное программу действий. Главное, доверяй чутью. Оно и есть твой скрипт.

– Меня хоть меняют на ценного человека? – тут Света не выдержала и зарыдала. Уткнулась Маре в плечо. Так сильно она не плакала с шести лет.

– Тихо, тихо, тихо! Всё будет хорошо. Мы будем следить за каждым твоим шагом.

– Да, – Света немного успокоилась. По привычке, сосчитала до пяти, потом ещё раз. Утёрла слёзы. – Я готова.

– Мы скоро увидимся, Клюква, – Мара наклонилась вперёд, улыбнулась и нажала Свете на нос. – Давай, не унывай. Всё получится!

Несколько шагов. Никогда ещё, сколько себя помнила Света, шаги не давались ей так тяжело. Она больше не чувствовала рук Маши – та отпустила её, и теперь Свете казалось, она плывёт по белому космосу одна. Без страховки.

Но вокруг было много людей. Света чувствовала, что на поляне она не одна. Остановилась. Просто потому что так захотелось, будто ей подсказывал инстинкт. Потом прошла ещё немного вперёд.

Воздух вибрировал на фоне сосен, точно от костра, только не веяло теплом. Кругом потемнело, будто за полминуты настали сумерки. Звуки растворились. Теперь Света слышала собственное дыхание. Несмотря на холод, она сняла варежки, шапку, шарф и пальто. Разулась, сняла шерстяные носки и встала на снег босиком. Подождала немного, сделала ещё несколько шагов и вошла в поток вибрирующего воздуха.

Глава 5

Босые ноги коснулись мягкого песка. Глаза видели всё сразу, но мозг отставал – ему требовалось время понять, что именно предстало перед глазами. В голове поселилось чувство пробуждения, очень странное. Только что был заснеженный лес, а теперь он как сон.

Та, что ступила на песок, даже не сразу вспомнила своё имя. Что-то связанное со светом... кажется, Светлана.

Кругом лежал один только песок. Пустыня. Она казалась кожей громадного человека. Нет, здесь был не только песок... ещё сухие кусты и тонкие кривые деревца. Впереди возвышался бархан.

Света не могла понять, то ли она здесь одна, то ли рядом есть люди. Последних она не ещё видела, но те уже проступали в её воображении. Медленно, как проявляется фото на старой плёнке. Тень восприятия. Их было двое. Мужчина и женщина. Оба в чёрном, лица закрыты. Рядом было третье существо – сначала оно показалось двуногим и горбатым, но потом из двух ног образовались четыре. Верблюд. Свету взяли под руки. Она не ощутила этого, но поняла шестым чувством. Подвели к верблюду.

– Покажитесь! – потребовала Света. – Иначе я не сяду.

Ничего не произошло. Тогда она громко и уверенно произнесла то, что до конца не понимала сама:

– Протокол обновлён. Теперь обе стороны не должны использовать «игнор» в радиусе трёхсот метров от Тоннеля.

Мужчина и женщина переглянулись и отключили тени восприятия. Теперь можно было уверенно сказать, что эти люди реальны. Показался и верблюд. Свете помогли забраться. Женщина сидела за спиной. Мужчина вёл под уздцы верблюда.

От людей не веяло враждебностью. Они дотрагивались мягко, словно касались очень хрупкого инструмента. И всё же, Свету не покидало чувство, что она – пешка в чужой игре.

«Меняют. На кого? Зачем? Как они собираются меня спасти?»

В груди нечто ползало, будто угорь. Это был страх. Гнетущий страх, что они решат проверить информацию. Захотят узнать, действительно ли протокол обновили?

Над головой пролетел сокол и уселся женщине на руку. Та что-то прошептала на незнакомом языке и отпустила птицу.

«Что? Что она сказала?!»

Света оглянулась и посмотрела женщине в глаза. Красивые голубые глаза, яркие. Такие увидишь ред...

Пуля! Света не успела ничего сообразить, но у женщины из виска брызнула кровь. Повалившись на бок, она скатилась с верблюда и рухнула безжизненным мешком на песок. Следом, с ещё одним выстрелом, упал мужчина. Третья пуля убила верблюда.

«Зачем? За что?!»

Света еле успела соскочить с огромного падающего тела. Невинное животное издало стон. Четвёртая пуля завершила начатое, закончив агонию корабля пустыни.

Света кинулась к женщине.

«Сандалии мужчины слишком велики. В них будет неудобно бежать», – говорила интуиция. Но женщину придавило телом верблюда. Пришлось вытаскивать её с немалыми усилиями. За плечи вытянуть не удалось. Тогда Света сделала подкоп. Ещё одна попытка.

«Время пока есть».

Она отдышалась. Попробовала ещё раз. Новый подкоп. Несколько минут усилий, и ноги освободились. Можно было снять сандалии. Ловкие, чужие, движения пальцев. Оглядеться. Вроде, никого. Теперь бежать.

Голова кружилась. Лёгким не хватало воздуха. Света останавливалась, переводя дыхание, оглядывалась, убеждалась, что, кроме двоих мёртвых людей и одного мёртвого верблюда, никого нет, бежала дальше. Куда? Непонятно. Дальше в пустыню. Куда велел инстинкт. Или скрипт, замаскированный под инстинкт.

Она остановилась. Не знала, почему. Что-то внутри подсказывало:
«Ступай на воздух. Смелее».

Но как можно ступить на воздух? Разве она не провалится? Безумие.

Всё же, Света подняла ногу. Плавно опустила перед собой. Трудно было в это поверить, сознание отказывалось принимать это как должное. Некогда было обращать внимание на здравый смысл. Идти по воздуху, так по воздуху. Для надёжности, Света представила себе лестницу. Пусть эта лестница будет винтовой.

«А вдруг я сошла с ума? И всё это мне кажется».

Она поднималась, чувствуя себя Алисой в Стране Чудес. Только Алиса падала в нору, а Света из Старого Оскола, наоборот, поднималась над пустыней, преследуя неизвестно что. Призрака.

Таинственным призраком оказался рослый мужчина в форме цвета хаки, с винтовкой за спиной. Держа пистолет наготове, он смотрел на часы.

– Зачем ты убил верблюда? Что он тебе сделал?

– Тихо! Минута двадцать...

Возле бойца стояла пара кирзовых сапог. Рядом лежали, аккуратно свёрнутые, плотная камуфляжная куртка и такие же штаны. Света поняла, что нужно делать. Через минуту, она была одета и обута.

– Семнадцать, – вслух начал отсчитывать боец. – Шестнадцать. Дай руку! Четырнадцать...

Ступая по воздуху, твёрдому точно камень, двое подошли к месту, где заканчивалась невидимая опора. Когда мужчина сосчитал до трёх, он крепко сжал Светину ладонь.

– Два, один!

Прыгнули. Света закричала, зажмурилась и не сразу заметила, как воздух изменился. Ноги ощутили мягкую пружинистую землю.

– Всё, можешь открывать.

– Боюсь.

– Да не бойся ты. Мы в лесу.

Как знакомо, тепло и, в то же, зловеще, это звучало – лес. Он может быть разным – родным, с ягодами и грибами, или дикой чащей, где водятся медведи и кое-что похуже. Света осмелилась открыть глаза.

Это и вправду был лес. Не такой, какой она ожидала увидеть, зато не внушающий опасности. Что-то ещё в нём было не так – нечто заметное, что должно сходу бросаться в глаза.

«Лето, – догадалась она. – Здесь лето?!»

Никакого снега. Тепло. Кругом зелень. Трава по колено. Либо это было другое полушарие, либо прошло полгода.

Громадные сосны качались над головой. Вдалеке стучал дятел. Щебетали птицы. Всё это завораживало, но, вместе с тем, жутко хотелось домой. Она вцепилась мужчине в руку.

«Молчать, – подумала Света. – Он не любит глупых вопросов».

Был ли это скрипт или жизненный опыт? Света не понимала. Она вообще старалась не думать, какие действия совершает сама, а какие – повинуюсь программе. Держа бойца настолько крепко, насколько могла, она осторожно ступала по мягким кочкам, перешагивала сучковатый валежник, плавно отводила ветки, стараясь ни одной не сломать. Ступала мягко, словно кошка. От мысли, зачем она это делает, мурашки побежали по спине.

«За нами идут».

Под ухом пищали комары. Захотелось спросить бойца, нет ли у того репеллента, но, только открыв рот, Света поняла – запахов тоже оставлять нельзя, как и следов. Пришлось терпеть.

По пути, Свете пришла мысль: «В кармане куртки лежит панама». Она пошарила в кармане. Так и есть. Попросила бойца остановиться, заплела волосы в клубок и надела панаму.

На краю поляны, клубилось едва заметное облачко тумана. Туда-то и следовал боец. Когда прошли через туман, Света не заметила особых изменений – такой же лес, только время чуть более позднее. Деревья тоже немного изменились – там, позади, были высокие прямые сосны. Этот лес больше походил на южный: хвойные деревья были тоньше и ниже, а лиственные попадались чаще. Боец остановился перед следующим клубом тумана.

Новый скачок и новый лес – берёзовая роща. Здесь приходилось идти по размокшей земле. Сапоги чавкали. Земля будто не хотела отпускать, хватаясь за ноги. За рощей виднелся алый рассвет, а может и закат.

Голова пошла кругом:

«Неужели это скачки во времени? В будущее или в прошлое? Вдруг мама состарится, пока я тут по болотам шастаю?! А подружки? Увижу я их или нет?»

Чувства! В эту минуту не было ничего хуже, чем дать себе слабость.

«Ох, Господи, на моих глазах убили двоих людей! Та женщина, у неё были такие красивые глаза... Они ведь не желали мне зла, только попали под горячую... пулю».

Сжав кулаки до боли, Света запретила себе испытывать жалость и хоть на долю секунды вспоминать, что было в пустыне. Чувства потом. Сперва добраться до безопасного места. Пожалуй, это было самое трудное – превратиться в куклу, заставить себя чётко следовать программе. От этого зависела не только её жизнь, но и жизнь того мужчины, что вёл её к спасению.

Дальше было ещё пять или шесть переходов – Света сбилась со счёта. Один раз были джунгли. Глубоко в зарослях промелькнуло древнее сооружение из камня, похожее на уменьшенную копию пирамиды майя. Далее снова северный лес и, наконец, родной зимний бор.

Света не знала, сколько они шли – пару дней или несколько лет. Она и незнакомый молчаливый боец были одни на целой планете. Совершив огромный путь, они даже не познакомились.

– Эй, – обратилась она, ступая по рыхлому глубокому снегу. – Как тебя зовут?

– Я уже ответил, – боец даже не обернулся.

– Когда это?

– Семь раз уже.

Света окаменела.

– Не помню.

– Такое бывает. Не переживай, потом вспомнишь.

Ответ напрочь отбил у Светы желание что-либо спрашивать.

Добрались до маленькой покосившейся избушки. Домик был настолько низеньким, что боец головой доставал до конька. Встав у порога, он вытянулся и, в полушутку, громко, уверенно, объявил:

– Дима!

Наклонился, потянул на себя скрипучую дверь, приглашая Свету войти.

– Мерси, – при входе, она сделала реверанс.

В домике, на лавке, лежала Светина зимняя одежда. Печка была растоплена. Горячий борщ, нарезанный хлеб и соль ждали путников на столе.

Ели не торопясь. По поведению Димы было видно, что они никуда не торопятся – основная опасность уже позади. Дима ел медленно, смакуя каждую ложку, заедая огромными кусками хлеба. Света же набросилась на борщ, позабыв о манерах. Она вспомнила о хлебе только под конец трапезы.

Опустошив тарелку, Света вытянула ноги. Как же было хорошо! Никакой беготни по лесам. Чувство, что скоро дом, согревало сильнее печки.

– Дима, вы не против, если я прилягу?

– Ага.

Она сняла надоевшие сапоги и растянулась на лавке.

«Что с нами происходит? Куда мы бежим? От кого?», – крутились мысли в голове.

Дрёма увела её вдаль, над лесами и горами, степями и болотами. К заледеневшему озеру, на котором стоял человек. Под её ногами снова трескался лёд. Корка хрустнула, не выдержала, и Света рухнула в воду.

Вздрыгнула. Проснулась. Дима давно закончил есть и дремал, сидя на лавке. Света тихонько позвала его, боец очнулся.

– Нам не пора выходить?

Он посмотрел на часы.

– Подождём до утра.

– До утра?! – она поднялась так резко, что в глазах побежали чёрные точки. – До какого утра? А как же мама? Она вообще не знает, где я!

– С Валентиной всё в порядке – ты ночуешь у подруги, – взяв ещё один ломтик хлеба, он откусил половину.

За маленьким окошком темнело. Оба сидели в молчании.

– Можно пойти погулять?

– Нет!

– Ясно.

Света устроилась поудобнее. Начала, было, дремать, но испугалась, что сон про надломившийся лёд может вернуться.

В тишине раздался неуместный для этой избушки звук из другой жизни. Уведомление об СМС. У Димы всё это время был с собой мобильный телефон.

– Убежище нашли.

– Какое?! – она напряглась, подумала, что речь об их убежище. И, главное, кто нашёл? Хорошие или плохие? Дима ухмылялся.

«Что если он предатель? И намеренно завёл меня в ловушку?»

– Чантара, – добавил боец.

– Слава Богу! – теперь можно было спокойно заснуть.

Вышли до зари. Прошагали километра два. Очередной туман. Самым неприятным в этих переходах было то, что к ним невозможно было привыкнуть. Каждый раз это было падение, распад на атомные частицы, маленькая смерть. Без боли. Без каких-либо чувств, которые можно было бы передать.

Обнаружили себя на льду. Белая метель заполняла всё бытие. Света поймала себя на том, что опять не помнит, как зовут бойца. Под ногами простиралось озеро. То самое озеро.

– Б... ть! – выругался боец. Обернулся на триста шестьдесят градусов. – Света, беги! Беги, быстро как можешь!

«Не беги, – скомандовал мягкий мужской голос. Этот голос она уже слышала. Красивый, ровный. Ненавистный. – Не беги! Лёд проломится».

– Беги же! ...б тво... – договорить он не успел. Тяжёлое тело бойца грохнулось об лёд.

Света не могла пошевелиться. Она сжала кулаки, зажмурилась и начала молиться про себя, потому что ничего другого сделать уже не могла.

«Вот так, молодец. Ты же хорошая девочка? Стой и не двигайся».

Даже сквозь закрытые веки она видела метель. Вездесущую. Абсолютную. Навстречу ей уверенно и быстро шагал человек.

Вопреки рассудку, несмотря на дрожь, колотящую по нервам, точно зная, что провалится под лёд, она побежала.

Не прошла и трёх шагов. Корка застывшей воды была тоньше инея. Ледяная чернота поглотила Свету с головой.

Кругом было слишком светло. Настолько, что резало глаза. Пальцы ног не чувствовались, зато руки согревало нечто круглое. Из этого круглого исходил пар. Чашка?

Не сразу пришли на ум собственное имя и названия предметов. Железная коробка, что была позади, наверное, была машиной скорой помощи. Вокруг суетились люди. Двое в белых халатах откачивали крупного мужчину, лежавшего на носилках.

«Дима!» – кольнуло воспоминание.

Боец выжил? Если да, как? И как выжила она сама? Сколько времени можно провести в холодной воде?

Рядом был Костя. Он иронизировал в попытке подбодрить. Говорил что-то про моржей. Маша, напротив, была вся на нервах. Кусала губу, складывала и опускала руки. Иногда она смотрела на Свету, а иногда отворачивалась.

– Что вы там возитесь?! – крикнула она кому-то. – А ну, мухой сюда! – показались двое в камуфляжных куртках. – Где ты был? – обратилась она к первому. – Почему не отследил, куда они пошли?

– Это не моя задача.

– Мне пофигу! Света, – резко переключилась Маша. – Прости меня. Это я была инициатором обмена. Я не поняла даже, что...

– Косяк, не нагнетай, – Костя обнял Свету за плечо. – Всё хорошо. С этого надо начинать. А потом уже объяснить, что и как пошло по...

– Так, ты вообще молчи! «Не моя задача». У всех вас были чёткие задачи! – последнее было обращено ко всем, кто суетились вокруг. – И мы упустили чантара!

На Машу не обратили внимания. Все говорили наперебой. Часто мелькали слова «Тоннель» и «чантар».

– Негативщица, – вставил Костя.

– А ты у нас прямо позитивщик! Ты вообще что сделал?!

– Как минимум, обеспечил грамотный отход. Расчистил дорогу. Перенёс вещи. Подготовил хижину.

– И всё? Ну, так и я могу.

– А ты, значит, руководила?

– Да!

– Рукой водила.

– Света, – наконец-то Маша уделила внимание главной «пешке» всей игры. – Опасность миновала. Мы тебя вытащили. Но есть проблема.

– Дима при смерти, – серьёзно сказал Костя.

– Димас вообще молоток. Весь удар принял на себя. Но сейчас о тебе речь, Клюква. Ты всё сделала правильно! Даже где-то не по скрипту. Это для меня вообще разрыв мозга! Ты... как ты догадалась там, под лёд... – она обняла и поцеловала Свету, но та оттолкнула подругу. – Ты чего?

– Не называй меня Клюквой.

Она выплеснула чай на снег. Спрыгнула и в слезах побежала прочь, не зная, куда. Растолкала двоих мужчин. Впереди были заснеженные кусты. Захотелось нырнуть и затеряться в них навсегда.

Проснулась уже дома. Приятно пахло горячим клюквенным морсом. Рядом сидела мама с подносом. Она поставила поднос на край тумбочки и нежно потрогала Светин лоб. На тумбочке стояли множество коробочек с лекарствами, градусник и стакан воды.

– Мама? – прохрипела Света. Валентина улыбнулась. – Какой сейчас день?

– Воскресенье.

– Я воскресла?

– Не прыгай больше в прорубь, ладно? А то придумали они с подружками – давайте в проруби искупаемся! Глупость какая.

«Какая прорубь?» – только через минуту до Светы дошло: прорубь – успокаивающая легенда. Наверняка, постарался Костя. Он хорошие легенды сочинять умел.

Света ощутила горечь ненависти. Во что она ввязалась? Ради чего? Зачем позволила использовать себя как разменную монету? Организм отреагировал бурным кашлем. Мама тут же подала стакан морса. Погладила Свету по груди.

– Вот! А ты говоришь, не больная.

– Не говорила я такого.

– Как же. Пришла вчера вечером, вся мокрая, нос красный, щёки красные. И заявляет мне такая, «мы всего один раз окунулись».

– Мама? – она села и подложила под спину подушку. – Я больше не могу это скрывать.

– Лежи, лежи.

– Нет! Я хочу тебе кое-что рассказать. Только ты послушай меня и не говори потом, что я сумасшедшая, ладно?

– Да Бог с тобой. Не буду, конечно.

– Всё началось пятого сентября, когда я получила письмо от Георгины. Нет, всё началось раньше. В августе двухтысячного. Когда папа... мой настоящий папа...

– Так, Света, опять начинается! – Валентина встала. – Ложись, я тебя умоляю.

– Мама, ты ведь обещала!

– Ложись, я тебе говорю, – она обняла дочь и поцеловала в лоб, заставила лечь, накрыла одеялом и пошла к телефону.

«Куда она собирается звонить?»

Догадаться было нетрудно. Сейчас приедет участковый врач, будет опрашивать, мама конечно скажет, что у девочки бред на почве переохлаждения.

– Мама, я всё придумала!

Поздно. Валентина уже говорила с врачом.

«Не с того надо было начать», – поняла она свою ошибку.

Мама была одной из обычных фиксируемых. Такие как она упорно отрицали то, что выходило за рамки их понимания. Тысячи лет промывки мозгов поколению за поколением не прошли даром.

– ...Да, температура есть... Не знаю, вот только поставила мерять.

Как просто всё было у непосвящённых. Они думали, что цифры на градуснике расскажут о чувствах больного человека. Если кто-то говорит непонятные вещи, его принимали за больного. Ты должен думать как все. Говорить как все. Учиться и работать как все.

«Если что-то выглядит как утка, крикает как утка и плавает как утка... нет! Надоело быть уткой! Хочу быть собой. Человеком! Я расскажу людям правду. Всем людям на Земле!»

Света хлебнулся остывающего морса.

«Ну, может и не всем. Конечно, всем не получится. Но кому смогу. Хотя бы человекам семи. А те расскажут ещё семи, и будет уже сорок девять».

Она сама понимала, что это глупости. Кто поверит? Над ними пятнадцать тайных организаций, действующих по всему миру. Эти организации ворочают миллиардами, свергают правительства. Что может одна двенадцатилетняя девочка? Даже если она особенная. Но особенная ли? Все, в каком-то понимании, особенные, что не делает их сильными.

Две недели, пока лечилась, она ни с кем не хотела говорить. Приходили подружки. Настя, даже Юля. Света закрылась изнутри в комнате и не пускала никого, кроме мамы.

- Там к тебе подруга пришла, – однажды сказала Валентина.
- Никаких подруг.
- Это Маша.
- Я сказала: никаких подруг! – Машу ей не хотелось видеть тем более.
- Она просила передать тебе амулет.
- Что-то твёрдое легло на край тумбы. Света даже не повернула голову.
- Маша говорит, он поможет тебе излечиться, – Валентина по-доброму усмехнулась. –

Кто знает, а вдруг.

- Мгм, – Света накрылась с головой одеялом.
- Ещё она просила передать. Чантара нашли.
- Одеяло вмиг отлетело в сторону. Сердце забилось сильнее.
- Мара далеко ушла?
- Маша-то? На лестнице ждёт.
- Зови её сюда! – понимая, как это прозвучало, Света добавила: – Пожалуйста.

Это произошло через три дня после того, как Света провалилась под лёд. Мужчина лет пятидесяти, с морщинистым обветренным лицом, насыпал корма голубям. Это была роскошь – держать голубей на чердаке посреди города, и не просто города, а столицы России, с видом на Кремлёвскую стену. Мужчина мог себе позволить эту роскошь, ведь ни его чердак, ни птицы, не причиняли неудобства жильцам. Обитатели дома даже не знали, что на чердаке есть маленькая ветхая голубятня, потому что вела в эту голубятню только одна дверь, невидимая для остальных. Да и сама голубятня, если измерять её привычными тремя измерениями, не занимала пространства чердака. В бытовом представлении, она была плоской и располагалась на поверхности кирпичной стены.

За Свету Калинину «Южный Крест» обещал немало. Первое – наёмника. Второе – все убежища наёмника и ключи от этих убежищ. Третье – всех его соучастников, если они были. Мужчина пятидесяти лет понимал, что его уже продали, но не торопился. Голуби суету не любили.

– Тихо, тихо, не деритесь. Всем достанется, – приговаривал он, доливая воды в поилку. Птицы набросились на воду, царапаясь и отбиваясь крыльями от конкурентов.

Он опустил чайник на обшарпанный трёхногий табурет. Встал лицом к двери. Глубоко вдохнул и плавно выдохнул. Постучали.

– Открыто!

Скрипнули ржавые петли. Дверь открылась. Голуби перепугались непрошеным гостям. Вошли трое. Сразу окружили. Вставили в ухо маленькую иголку. Мужчина стоял, не поведя и бровью.

Одиннадцать дней спустя, об этом узнала и Света Калинина.

– Его звали Вёрус, – продолжила Маша. – У него было, как минимум, четыре убежища по всей стране. Скорее всего, больше. «Южники» всегда недоговаривают. Это он пытался скинуть тебя с балкона. Там, на озере, он был не один. Ещё был нэф.

– Что за нэф?

– Они ещё сильнее, чем чантары. Бахмы умеют читать и передавать мысли. Чантары – создавать иллюзии. Нэфы умеют воздействовать на тело! Тот нэф оглушил Диму. За живого дали бы больше. А вот тебя он хотел убить. Ты вовремя провалилась, и он подумал, что вода сделает всё сама. Или не подумал, не знаю.

– Может, он был халявщик.

Обе подруги захохотали.

– Точно, халявщик! Деньги получил и не отработал. Какая ты умная, Клюква! Можно тебя так называть?

– Нужно.

- Ты как? Идёшь на поправку?
- Да, потихоньку. Уже почти здорова.
- Давай, поправляйся! И не забывай атрибут, – она кивнула на тумбочку. На краю тумбы лежал её куриный бог.

«Дорогая Георгина! Почему ты перестала мне писать? Знала бы ты, что я пережила! Они пытались меня убить. Потом я ни с кем не разговаривала. Как мне потом сказала Мара, оказывается мы с Димой бегали не просто по лесам, а в разных Мирах. Мирах, Георгина! Выходит наш Мир – не единственный?! Я, правда, так и не поняла, зачем он убил верблюда, да ещё и с контрольным. Впрочем, я не могу рассказать тебе подробности. Вдруг они знают про наш с тобой шифр? Кстати, шифр нужно поменять.

Я была в том убежище. Оказывается, «Полярная Звезда», благодаря мне, получила сразу несколько убежищ. Они называют их пространственными карманами. Их несколько. Была я только в одном. Он там разводил голубей. Я так люблю голубей! Когда я их увидела, я подумала, может этот Верус был не таким уж плохим человеком? Но потом отсекала эту мысль. Он чуть не прыгнул меня с балкона, а потом чуть не утопил в озере. Я, конечно, сама утопилась (зачёркнуто) бросилась под лёд, но если бы он добрался до меня... постой-ка. Там ещё был нэф. Нэфы, чтоб ты знала, это не элементы конструкции собора, в понимании Доктрины, а люди, обладающие способностью убивать и лечить силой мысли. Это называется «тонкие техники». Мы не говорим слова «магия» – оно варварское. Не знаю, с какой стороны стоял нэф, скорее, со стороны Димы. Поэтому не дотянулся... хотя, может он специально не тронул меня? Он же хотел меня убить, а я сама выполнила задачу... короче, голова кругом!

Пиши мне. Пиши, во что бы то ни стало! Вокруг меня теперь тоже опасность, но я чувствую, что скоро приду к истине. Верус как-то связан с папой, мне подсказывает сердце (зачёркнуто) интуиция. Раз его стёрли из памяти всех, кого он знал, значит он представлял опасность для Доктрины. Значит, правда о «Курске» им неудобна. Я найду его, потому что он – моё солнце. А тьма вокруг сгущается. И ты будь моим солнцем! Пиши мне, прошу тебя.

Твоя подруга».

Послание готово. Осталось перевести его в шифр. На этот раз, Света решила не относить письмо на почту, а передать Георгине лично в руки. Для этого нужно было добраться до Новосибирска. Теперь она знала, что у «Полярной Звезды» есть тайные тропы, проходящие не просто по всему нашему Миру, но и выводящие за его пределы.

Как они это делали? Как исчезали в одном месте, чтобы появиться в другом? Ответом на загадку стало то, что Света видела едва не каждый день. Оно считалось чем-то уродливым, портящим город. На это старались не обращать внимания, а коммунальщики старательно закрашивали. Граффити.

– Важно, чтобы рисунок точки А повторял такой же рисунок точки Б, – объяснила Маша. – Если хоть одна петелька будет не так, всё! «Ты не пройдёшь!» – процитировала она Гэндальфа, и обе посмеялись. – Дверь-символ тебя не пропустит. Так устроен защитный механизм. Ну, конечно, понятие механизма тут офигеть какое условное. Энергетический я имею в виду. Такие вот штуки, – она показала на букву «А» в круге – символ анархии, – рисуют по трафарету. Каждый трафарет уникален и за его пропажу тебе голову оторвут. И кстати, трёх одинаковых рисунков не бывает. Иначе бы тебя надвое разорвало, понимаешь? Короче! Хочешь попробовать?

- Мара! Ну, ещё спрашиваешь!
- Встань ровно. Скажи: «вижу цель, иду к цели».
- Вижу цель. Иду к...

Маша захохотала.

– Ты на таком серьёзе это делаешь! Расслабься. Я пошутила, ничего говорить не надо. Просто идёшь и оказываешься на той стороне. Сначала ты даже не прочухаешь, что ты уже там.

Света сделала несколько шагов. Кирпичная стена удалялась и, казалось, не идёшь, а топчешься на месте, но как только Света встряхнула головой, поняла, что стена теперь не кривая кирпичная, а ровная бетонная. Оглянулась. На такой же стене за её спиной был символ анархии, точно такой, какой она видела недавно. Только этот был уже не в Старом Осколе.

– Мара! Ты где?

Подруга вышла из стены. Просто вышла из стены, как если бы та была не настоящей, а лишь проекцией. Никаких звуков, никаких визуальных эффектов. Очень примитивно и скучно. Агентам не нужно было устраивать шоу из каждого перехода, и чем меньше было зрителей, тем лучше.

– Ну? Вуаля! – развела руками Маша.

– Ё-моё! – никогда ещё Света не выражалась подобным образом, но теперь выдался случай. – Это что, Москва?

– Город-герой Москва, детка! Полтора часа свободного времени для агента – что целый день, – она глянула на часы. – Ну, что? Экскурсия?

Очутиться без билета в Москве – огромном и пафосном мегаполисе – для Светы, что видела столицу только на картинках и по телевизору, было как попасть из плоского мира в объёмный. Отсюда по Ильинке было рукой подать до Красной площади. Чудной и «пряничный» Собор Василия Блаженного, грозные Минин и Пожарский, Мавзолей, мрачный, но притягивающий таинственной силой, точно древний дольмен, гордая служительница Спасская башня – всё это было таким величественным и, в то же время, родным и знакомым, что душа наполнялась и восторгом, и теплом. А ведь это было только начало обзора. За оставшиеся пятьдесят минут подружки успели побывать и на Чистых прудах, и на Арбате, и на Крымской набережной, и поест горячих пирожков недалеко от парка Горького. Всё это, ни разу не спустившись в метро и не зайдя в общественный транспорт.

– Мара, как же здорово, что мы с тобой вместе, – призналась Света, когда обе сидели в кафе. – Я так тобой восхищаюсь!

– Никогда не делай себе кумиров, – ответила та, вытерев губы салфеткой. – Поверь, это очень ценный совет.

За голубями теперь ухаживал Костя. Света помогала ему. На чердаке стало уютно – агенты сделали капитальный ремонт, заменили доски, принесли мебель. Теперь это был важный аванпост конференции «Овен» в центре Москвы. Держаться за него стоило всеми силами.

Чердак стал новым излюбленным местом для Маши, Кости и Светы. Последняя особенно любила, когда Маша уходила по делам. Оставаться наедине с Костей было до безумия приятно. Света понимала, что эта тихая радость не продлится долго. Скоро помещение займут под стратегический штаб, а голубей вывезут. Поэтому, она наслаждалась каждой секундой. Она понимала, что ничего не предвидится, но всё же не стеснялась брать Костю за руку и прижиматься к его плечу.

Пришла весна. Охота на чантара завершилась, но на воле бродил куда более опасный зверь – нэф. Основные события происходили вне ведома Светы. Игра больше не разворачивалась вокруг неё – дочь Александра Калинина вновь оказалась на периферии. В этом было много плюсов – никакой опасности, можно заняться собой, продолжать медитировать и осваивать тонкие техники. Наконец, думать о мальчиках.

Письмо по-прежнему валялось под кипой тетрадок, в ящике стола. Света не решалась его отправить, а как добраться до Новосибирска по дверям-символам, даже не представляла. В середине марта она перечитала письмо. Зацепила предпоследняя строчка:

«...тьма вокруг сгущается. И ты будь моим солнцем!»

Фраза показалась ей дикой, будто писала не она. Света порвала письмо. Написала новое. Рассказала, что всё хорошо, не упомянув и словом ни пустыню, ни скитания по лесам. Если

внутреннее спокойствие было её первой сверхспособностью, а второй – телекинез, то теперь добавилась и третья – ответственность.

«Некоторые вещи нельзя рассказывать никому. Ни подруге, ни даже матери».

Глава 6

Тринадцать. Этот день настал. Наконец-то ей исполнились роковые тринадцать лет. Как тринадцать конференций, тринадцать полос на американском флаге, тринадцать листьев и стрел. Мистическое число. Многие боялись его, а некоторые видели в нём потустороннюю силу. Для Светы это число означало перемены.

Света решила: раз она теперь официально тинейджер, пора меняться. Сначала хотела укоротить волосы и перекраситься в чёрный, как у Натали Портман в фильме «Леон», однако мама, услышав такое, пообещала выпрыгнуть из окна, если дочка на это пойдёт. Вторым вариантом был ярко-белый. Здесь уже не было возражений, при условии, что волосы она сохранит.

Следующим пунктом в программе перенастройки личности была татуировка. Тринадцать маленьких пятиконечных звёзд над левой щиколоткой, расположенных в форме созвездия Малой Медведицы.

Третье – одежда. Носить она решила только чёрное. Волосы заплетала в тугий хвост. На шее блестел новенький кулон в виде символа инь-ян. Подарок от Мары.

Но самая главная перемена произошла внутри. Теперь она не боялась ни насмешек, ни предательства, ни того, что её снова используют как пешку. Твёрдо пообещала себе ни от кого ничего не ждать, ничего не обещать и ничего не просить.

– Я хочу стать агентом, – заявила она Маше в конце мая. Обе гуляли вдоль Москвы-реки. Гуляние по столице в конце каждого месяца стало у подружек традицией.

– Чё, к нам в «Овен» хочешь? Слушай, нафига тебе оно надо? Мотаешься по двадцать пять часов в сутки по городу, занимаешься ерундой всякой, по большей части.

– Стирать память – это ерунда, по-твоему?

– Да мы, в основном, память-то стираем... ну, как тебе сказать? Это процентов двенадцать нашей работы. Остальное время мы выполняем... – она заговорила тише, несмотря на то, что обе подруги шли под «игнором» и окружающие не могли их заметить. – Только это между нами. Основная наша работа – манипулятивные действия. То есть, там подправить, тут подрихтовать. Не всегда человеку нужно что-то зафиксировать. Иногда нужно его направить в определённое русло, – она оглянулась на реку. – Вот, как Москва-река. Она течёт по каналу. Чтобы река не выходила из берегов, этот канал нужно поддерживать, ремонтировать иногда. Мы занимаемся ремонтом каждый день. Это, по сути, и есть управление.

– Например? Чем вы с Костей в последнее время занимались?

– Маленьким девочкам такое знать не положено, – она расхохоталась.

– Ну, Мара! Серьёзно. Я в плане работы.

– Большую часть наших заданий мы и сами не знаем, что делаем. Меня это иногда выбивает, аж жуть! Но потом привыкаешь. То есть, типа, один готовит табурет, другой плетёт верёвку, третий варит мыло, а что происходит в общей картине – для каждого по отдельности остаётся тайной. Мы, конференции, не сильно отличаемся от непосвящённого человечества.

– А вы убиваете? – спросила она серьёзно.

– Крайне-крайне редко. Лично я, никогда. Но вообще, бывает, приходится, когда случай безнадежный. Чаще либо фиксируем, либо вербуем. Некоторых держим «на коротком поводке».

– Как меня?

– Как тебя, – вздохнула Маша, поморщилась, оглядела реку. – Такие как ты в нашей бюрократии – категория NN. Non-fixable non-agents. Если станешь агентом, тебя переведут в категорию NA. Для этого надо стараться. Показывать хорошую смекалку, сноровку. Уметь находиться везде и нигде.

– Я научусь. У меня хорошая учительница, её зовут Мара.

– Подлиза!

– Я хочу путешествовать!

– Только ради этого? Становиться агентом для этого не нужно, – она облокотилась об ограждение. – Достаточно разбогатеть.

– Я уже богата! – Света вспомнила про счёт, который мама пополняла каждую неделю. Она не представляла, сколько там накопилось, но, наверное, больше миллиона. От осознания этого, закружилась голова. Конечно, ей не всегда платили по тридцать тысяч – куда чаще выходило меньше. И всё же, она зарабатывала столько, что мог бы позавидовать средний москвич.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.